

Костёр

1

ЯНВАРЬ

1960

Костёр

1

ЯНВАРЬ

1960

Ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

«ГЕРБ» и «ПОГОНЯ» Н. Ходзы,
«СКАЗКА О ГОЛУБОМ КАМ-
НЕ» П. Архипова,

«АЛЕШКА» Н. Эрка, «ПРО
ВАНЬКУ ЖУКОВА» А. Минчков-
ского, «ОСТОРОЖНО—МИНЫ!»
М. Черкасского, «ВЛАСТЬ ТЕХ-
НИКИ» М. Данин, «ТЫКВА В
СУНДУКЕ» Виктора Голявкина

*

СТИХИ

«В ТУРКУ» А. Прокофьева, «ВЕ-
СЕЛЫЙ ЗООСАД» Л. Мочалова

*

ОЧЕРКИ

«ДАЛЬНОСТЬ, ВЫСОТА, СКО-
РОСТЬ» А. Томилина, «ЗА ПО-
РОГОМ — УДИВИТЕЛЬНАЯ
СТРАНА» Б. Сергуненкова, «РАС-
СКАЗЫ О ВЕЖЛИВОСТИ»
В. Жельвиса, «ЖАР-ПТИЦА»
Б. Сергеева

МОРСКОЙ КЛУБ

*

На обложке рисунок В. Курдова

На титуле фото О. Василевского
«В Ленинградском планетарии»

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Н. Ходза

Рисунки Д. Ольховского

Геро

Управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич вошел в приемную Ленина точно в назначенное время. Навстречу ему быстро поднялся молодой человек. Черная толстовка его была украшена вместо галстука большим зеленым бантом.

— Принесли? — спросил Бонч-Бруевич.

— Принес, Владимир Дмитриевич, здесь он, — отвечал молодой человек, показывая на папку, зажатую под мышкой.

— Тогда — идемте. Владимир Ильич ждет. — И Бонч-Бруевич открыл дверь в кабинет председателя Совета Народных Комиссаров.

В кабинете, у карты, которая занимала чуть ли не полстены, стояли Ленин, Свердлов и Дзержинский.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, здравствуйте, товарищи, — сказал Бонч-Бруевич. — Вот принесли проект...

— Товарищ художник? — Ленин внимательно

посмотрел на молодого человека и протянул ему руку. — Садитесь, пожалуйста. Показывайте...

Художник начал торопливо развязывать папку. Он очень волновался, у него дрожали руки, и маленький узелок на тесемках ни за что не хотел развязываться.

Владимир Ильич сразу заметил, что художник волнуется. Чтобы не смущать его, Ленин сел за стол и начал не спеша перелистывать какую-то книгу.

Наконец, художник справился с непослушным узелком, раскрыл папку и осторожно положил ее на край стола.

— Яков Михайлович, Феликс Эдмундович, взгляните, — сказал Ленин, придвигая к себе папку.

Свердлов и Дзержинский подошли к столу.

В папке лежал небольшой акварельный рисунок. Ослепительные лучи восходящего солнца освещали золотой венок из спелых колосьев пшеницы. В центре художник нарисовал переkreщенные серп и молот. А внизу, на перевязи колосьев, шли огненные слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И весь рисунок, сверху донизу, пересекал сверкающий острый меч.

— По-моему, очень выразительно, — заметил Бонч-Бруевич.

— Да, идея у художника, безусловно, есть, — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но...

Владимир Ильич на минуту задумался, не отрывая глаз от рисунка.

— Здесь, как будто бы, все выражено, — снова заметил Бонч-Бруевич.

— Все выражено? — переспросил Ленин. — В таком случае, мне хотелось бы знать, что выражает этот меч? Да-да, объясните мне, пожалуйста, что должен выражать меч на гербе первого в мире пролетарского государства.

— Это — карающий меч пролетариата, — сказал Бонч-Бруевич.

— Чтобы весь мир эксплуататоров трепетал

перед гневом рабочих и крестьян, — добавил художник.

Тогда Ленин спросил:

— Сколько лет, товарищи, будет существовать герб нашего социалистического государства? Год? Два? Три?

Ответил Яков Михайлович Свердлов:

— Доколе будет существовать Республика Советов, доколе будет существовать и герб нашего государства.

— Совершенно верно! — сказал оживленно Ленин. — Совершенно верно! Но тогда зачем же на нашем гербе меч? Разве мы собираемся воевать вечно? Мы будем драться только до тех пор, пока не разгромим белогвардейцев. Пока не выгоним со своей земли интервентов. Но никаких завоевательных войн мы никогда вести не будем. Вот почему меч — не наша эмблема. Ему не место на гербе Советской Социалистической Республики.

— Значит, проект мой никуда не годится? — спросил расстроенный художник, и голос его дрогнул.

— Что вы, что вы, — быстро отозвался Ленин. — Герб, мне кажется, не плох. Только знаете что? Давайте сделаем вот так.

И Владимир Ильич, взяв карандаш, аккуратно перечеркнул на рисунке меч.

— Ну вот, — сказал он, — такой проект герба мы можем обсудить на заседании Совнаркома. Думаю, что теперь он серьезных возражений не встретит.

Владимир Ильич не ошибся. В начале тысяча девятьсот восемнадцатого года состоялось заседание Совета Народных Комиссаров. Рисунок советского герба, на котором больше не было воинственного меча, понравился всем. И народные комиссары, во главе с великим Лениным, утвердили его.

С этого дня у нас появился замечательный герб — символ мирного труда и нерушимого братства рабочих и крестьян свободного народа.

Погоня

Было это, как сейчас помню, в тысяча девятьсот семнадцатом году. В июне месяце. Я тогда в броневом автомобиле служил. Шофером.

Раз ночью подъехал я к Таврическому дворцу, — там наши солдатские делегаты заседали, — выключил мотор, стою, жду. Велено мне делегатов своих привезти в казарму.

Кончилось заседание, а у меня уже и мотор урчит — заведен: садись, поехали!

Тут ко мне подбегает председатель нашего дивизионного комитета, козыряет и, с места в карьер, заявляет:

— Даю тебе партийный приказ.

— Какой, — спрашиваю, — приказ?

— А вот какой. Сейчас двенадцать часов ночи. Так?

— Правильно, двенадцать. А дальше что?

— А вот что. Через десять минут посажу я в твой шарабан одного товарища. И куда товарищ скажет, туда и поедешь. Ясно?

— Чего яснее, — отвечаю. — А как того товарища фамилия будет?

Тут наш председатель чего-то рассердился, даже голос повысил:

— Отставить разговорчики! Получил партийный приказ — выполняй. И помни: если

Подошли они поближе — я так и ахнул: штатский-то — сам товарищ Ленин! Я ж его видел и слышал. Он с балкона дворца Кшесинской говорил. Разве такое забудешь?!

Сел товарищ Ленин в машину, просит вежливо:

— Пожалуйста, товарищ, на Мойку, а потом — на Лиговку. Если можно, — побыстрее.

Тут рассказывать долго нечего. Машина у меня всегда в порядке. Пустяк времени прошло, — мы уже на Мойке. Там большевистская газета «Правда» помещалась.

с тем товарищем что случится, — отправляйся сразу в Исаакиевский собор!

— Это к чему же мне в собор? — удивляюсь.

— Панихиду по себе закажешь, вот к чему! Теперь понял?

Отрезал так и исчез.

Подивился я, однако жду. Мотор урчит. В скорости вижу, идет наш председатель, с ним гражданин, — какой-то штатский, в кепочке.

Пробыл Владимир Ильич недолгие минуты в «Правде», вышел, сел в автомобиль, и поехали мы в другой конец города — на Лиговку.

Мне, конечное дело, интересно посмотреть лишний раз на товарища Ленина. Вот я оглядываюсь и вижу вдруг: по пустынной улице мчится за нами машина. Повернул я налево, она — налево. Я — направо, она — направо. И огни на ней потушены, и на поворотах не сиг-

налит. Не понравилось мне такое дело. Подпустил я ту машину поближе, — вижу, офицерье в ней сидит. Даже за рулем — юнкер!

Вот начал я петлять по улицам, а сам все время оглядываюсь, — не отстали ли?..

Заметил Владимир Ильич, что я беспрестанно оглядываюсь, полюбопытствовал:

— Вы, кажется, товарищ, спросить меня хотите о чем-то?

Я отвечаю:

— Посмотрите назад, товарищ Ленин.

Владимир Ильич оглянулся, потом говорит:

— Ничего любопытного, кроме автомобиля, не вижу...

— За нами «духи» увязались, — поясняю.

— Какие «духи»?

— Обыкновенные, — говорю. — Офицерье из охранки Керенского. Не иначе, как за вами следят.

Тогда Ленин говорит:

— Я не сомневаюсь, товарищ, что мы от них ускользнем. Я на вас надеюсь...

После таких слов, сами понимаете, что со мной стало. Рванул я машину так, что колеса земли не касались! В воздухе вертелись! «Только бы, — думаю, — тормоза не отказали. Иначе, на первом же повороте...» Ну, просто заledenел я весь от ужаса при такой мысли. Везу-то ведь Ленина! Ленина!

Перестал я оглядываться. На такой скорости оглянешься, — одно железо от автомобиля останется.

Слышу, вдруг Владимир Ильич говорит:

— Не отстают... А ну-ка, нажмите еще... Обставьте их... Обязательно надо обставить!..

А я уже и так из машины выжал, что можно. И хоть не оглядываюсь, но чую своим шоферским нюхом — не могут они за нами угнаться. Не могут, а погони все-таки не прекращают. Тарахтят где-то поблизости...

Тут мы к Лиговке подкатили. Свернул я снова в какой-то переулок, вижу — посередке яма разрыта. И обнесена она жиденькой перегородкой, на перегородке — фонаришко тускло коптит.

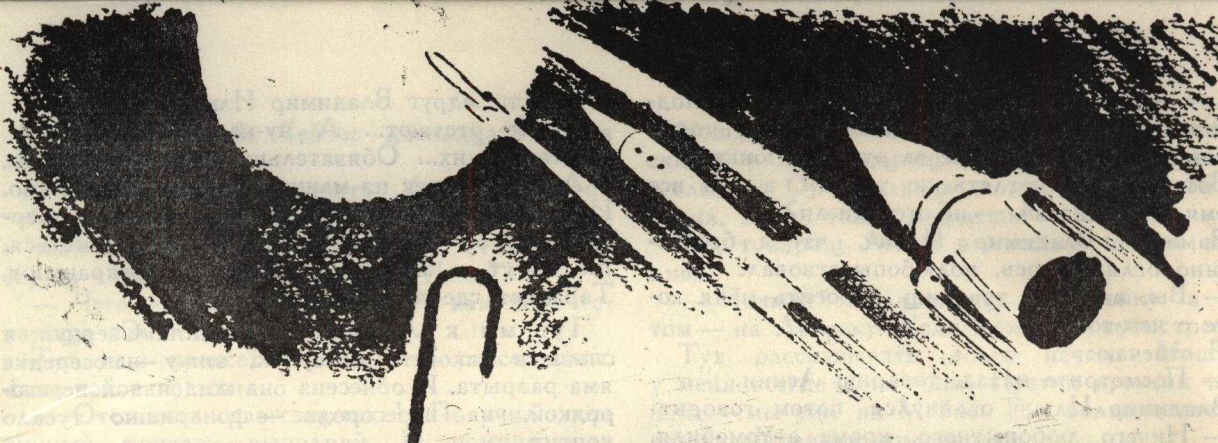
И пришла мне в голову одна мысль. За тормозил я машину, выскочил, сшиб ногой загородку, задул фонаришко. Потом — за руль, и — газу! Ну, ясно: скорости настоящей с места не возьмешь. На выезде из переулочка слышу — грохот. Так и есть! Угодили охранники в яму. На полном ходу!

Завопили контрики. Кричат, охают, ругаются! Шофер гудит, дворники свистят! Ну, словом, шум на весь Питер. Ей-богу!

Мы, конечно, долго слушать ту оперу не стали, — поехали на третьей скорости, как ни в чем не бывало. А когда выехали на Лиговку, решил я снова посмотреть на Ленина. Оглянулся, а он хохочет. Ну так хохочет, что и я не выдержал — тоже засмеялся.

Так мы, смеясь, и доехали благополучно, куда надо. Вовремя доехали. Без опоздания.

УКАЗКА О ГОЛУБОМ КАМНЕ

И. Архипов

Рисунки И. Харкевича

1

Жил на свете Васька Волчков.

Васька был человек счастливый. Он еще только в пятый класс перешел, а уже запустили в небо три спутника и сфотографировали Луну с обратной стороны. И, конечно, это было только начало.

Как-то утром бежал Васька в школу и на первом же углу увидел легковую машину, а возле неё большую толпу. Разумеется, Васька пролез в самую середину, чтобы узнать, кто на кого налетел и что теперь будет. Оказалось, никто не налетал, а в машине был приемник, и люди слушали передачу.

Вот что говорило радио.

Запускается новая ракета. Она пройдет по громадному кругу и вернется на землю через сто тридцать восемь лет.

2

Поздним вечером накануне запуска ракеты Васька гулял по улице. Идти к Гельке было нельзя: он дома попрощался с родителями.

«Эх! — размышлял Васька. — Эх, если бы с той же лестницы да взяли бы другого человека! И что в Гельке особенного? Я не хуже учусь и на коньках бегаю быстрее. Небось, в сольное пение меня приняли, а его нет. И что за человек: ему завтра лететь, может быть, за миллиард километров, а он опять целый вечер каток заливал. Все равно, на этом катке ему не кататься!..»

Но тут рядом с Васькой затормозила машина, и из нее торопливо вышел высокий человек. Он обошел машину спереди, и в ярком свете фар Васька увидел озабоченное строгое лицо.

Человек спросил Ваську, не он ли Гелий Тимохин. Сперва Васька не понял вопроса. И вдруг — у него даже в ушах зазвенело от волнения — вдруг он вспомнил, что ведь они с Гелькой здорово похожи друг на друга.

И тогда, зажмурившись в темноте, Васька сказал:
— Это я.

Человек достал фонарик и посветил сначала на Васькино лицо, а потом на фотографию, которую вынул из кармана. Посмотрел на часы, открыл дверцу машины и сказал, чтобы Васька садился.

И по дороге на ракетодром Васька узнал, что ракету запустят не завтра. Сложные межпланетные причины заставили изменить сроки. Ракета летит через час.

3

Загудело, застреляло, прижало к сидению, и — прощай, Земля! Уютная кабина, удобное кресло. Все под руками, сиди и пой песенки.

Но что-то песенка у Васьки не выходило. Был он парень с головой и, конечно, понимал, что положение у него отчаянное.

На Земле все уже известно. Ученые скамандуют по радио, и ракета повернет назад. А если не скамандуют, то все равно будут помнить, что в ракете летит не Гелий Тимохин, достойный и уважаемый человек, а Васька Волчков, лгун и обманщик.

Нехорошо обманывать, когда живешь на земле. Но совсем плохо возвратиться мелким жуликом из межпланетного полета.

Слезы навернулись Ваське на глаза. Стесняться было некого, и он наревелся вволю. А когда кончил, страшно захотел есть. Наелся и заснул.

4

Его перекладывали, несли. Сквозь сон Васька слышал, как его кормили, — и он ел. Можно было спать, — и он спал. Выспался и проснулся.

Высокая комната серебристого голубого цвета. Легкое

кресло возле Васькиной постели. Обыкновенный седой человек смотрит на Ваську с дружелюбным интересом.

Васька хотел приподняться, но сразу не смог. Тело стало чужим, неподатливым. Он с трудом сел на постели и только открыл рот, как седой человек заговорил.

— Вот и прибыл Василий Волчков, — сказал он неторопливо, и голос его показался Ваське знакомым. — Мы его ждали. Приземлился он точно в срок, честь по чести.

Нехорошо стало на душе у Васьки. А седой человек продолжал:

— Слушай внимательно, Василий Волчков. Вот ты вернулся на землю. Был ты мальчишкой, а стал пожилым человеком. И земля стала совсем другая. Здесь, за этой дверью, все, о чем мечтали люди. Войдешь — и будешь жить при коммунизме. Но прежде дослушай до конца.

5

Когда-то давно жил-был мальчишка. Жил в большом городе у моря, носил красный галстук и дружил с такими же мальчишками. Был у него хороший голос, и знал он немало разных песен.

Но хоть и жил он в большом городе, города этого он совсем не видел. А знал только улицу, по которой ходил в школу.

Хоть и носил он красный галстук, — что бы ни затевали ребята-пионеры, ему все было неинтересно. В этом самом городе, где он жил, когда-то кровь лилась на мостовые, и люди добывали свободу. Но слушать об этом мальчишка не любил.

Хоть и дружил он с ребятами, но все больше с теми, у кого было много марок или кому дарили новый велосипед. А если велосипед ломался, мальчишка искал себе нового друга.

Хоть и был у мальчишки хороший голос, но петь он любил

только на конкурсах, где выдавали премии. А на сборе или в походе стоило товарищам попросить его запеть, как у мальчишки начинало болеть горло.

Так и жил мальчишка. Себе побольше, другим поменьше. Хорошая жизнь...

— Нет! — перебил Васька громко. И, смутившись, тихо добавил: — Нет, Гелька... Плохая.

Седой человек не удивился, когда его назвали Гелькой. Это и вправду был Гелька, а ныне Гелий Николаевич Тимохин, известный ученый, генеральный конструктор.

Он внимательно смотрел на Ваську и чего-то ждал. Но Васька молчал. И тогда заговорил Гелий Николаевич.

— Это ты правильно сказал, Васька. А теперь посидим тихо, потому что пора смотреть, как работают наши товарищи. Что-то мне за них беспокойно.

Он протянул руку к стене и нажал кнопку.

6

Три стены померкли, а четвертая мягко осветилась, и по ней помчались белоснежные облака. Потом они исчезли, и вместо

стены Васька увидел кабину громадного вертолета.

В кабине сидели трое. Перед каждым щит, густо усеянный кнопками. Каждый держит руки на кнопках, и все трое, не отрываясь, смотрят вниз.

Прямо под вертолетом широкая равнина, по которой стремится свои воды могучая река. В одном месте над рекой нависают два огромных скалистых утеса, — один против другого.

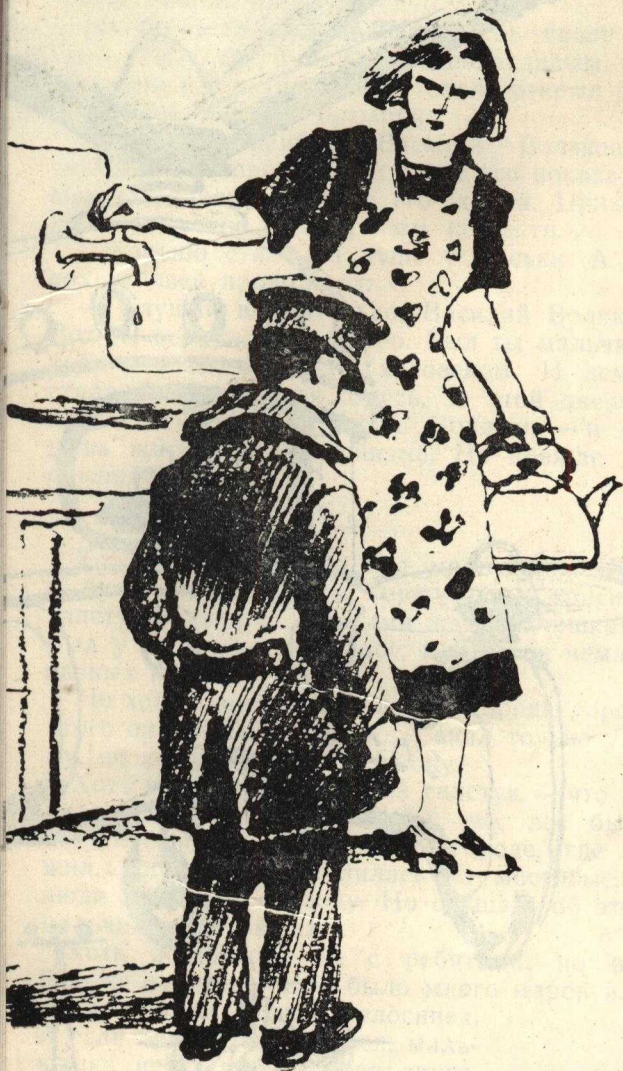
И вот вспыхнули прожекторы. Осветились скалистые утесы, и каждая кривая сосна отбросила черную кривую тень. Откуда-то с неба опустились четыре ажурных мачты. Вертолеты поставили их на место и ушли обратно.

Мощный гул моторов нарастал над равниной. Это подходили и повисали в воздухе летающие площадки, груженные щебнем и бетонными пирамидами.

И всем этим командовали три человека. Они делали свое дело молча. Иногда один из них говорил в микрофон короткое слово, и двое других слышали это слово в своих наушниках.

Раз! Вспыхнули красные огни на мачтах, и оттуда донеслось глухое урчание. Два! Широкие трещины побежали по земле, опоясывая громады утесов. Три! Оба утеса дрогнули, сдвинулись с места и с оглушительным грохотом, в туче пыли, начали сползать в реку. Забурлила вода. Зачмокали воронки водоворотов. Река остановилась и как будто раздумывала.

И тогда снизились летающие площадки. Они по очереди накреньялись, ссыпали груз и уходили, тяжело набирая высоту. Ливень бетона и щебня хлынул на перемышку, и из этого ливня на глазах рождалась высокая плотина.

Перекрытие реки заняло один час...

Пораженный Васька взглянул на Гелия Николаевича. Он увидел помолодевшее, совсем молодое лицо, — столько в нем было скромного торжества и великой гордости.

А потом Гелий Николаевич перевел взгляд на Ваську. Он смотрел дружелюбно. Но почему-то от этого взгля-

да Васька почувствовал себя совсем чужим и ненужным.

И глухая непонятная тоска поднялась в Васькиной груди. Как будто что-то не пускало его в большую хорошую игру. Стоят кругом товарищи, жалеют, а помочь ничем не могут. И лучше уйти самому.

Васька не заплакал. Он откашлялся и сурово сказал гордому седому человеку:

— Слышишь, Гелька? Отправь меня... обратно.

7

Гелий Николаевич Тимохин подал сигнал. Могучая рука крана подняла Ракету Времени и поставила ее на стартовую площадку.

— Вот так, — сказал конструктор. — Через десять минут будешь дома.

— Гелька, — решил Васька, потому что минута была самая последняя, — Гелька, ты не думай... Я понимаю...

Он запнулся, но Гелька кивнул головой.

— Я знаю, Васька. Только о товарищах не забывай. Присмотришься к ним, и сам увидишь, как жить и что делать.

Он достал маленький футляр.

— Спрячь. Дома посмотришь.

8

Растаяли стенки кабины, и очутился Васька в маленьком скверике у самого своего дома. Сонная мать открыла ему дверь, отругала за поздний приход и снова легла. Только тогда Васька решил посмотреть, что же такое внутри футляра.

Радясь тому, что тело опять стало мальчишеским, гибким, он босиком пробрался на кухню. Зажег свет, прислушался. Потом открыл футляр.

На кухонном столе лежал кусок невиданного камня, весь голубой, а по кромке серый. Васька долго вертел его в руках. Камень был холодный, твердый. Потом Васька посмотрел его на свет.

Яркие голубые лучи ударили Ваське в глаза, и он зажмурился. Камень оказался прозрачным, сквозь него можно было смотреть, как сквозь стекло. Все, что было видно сквозь камень, становилось четким, выпуклым.

9

Утром в школе, как только начался урок, Васька незаметно вынул из кармана голубой камень и вместе с платком приложил его к самому глазу. И прежде всего поглядел на Гельку Тимохина.

Вот, он, Гелька, стоит у доски, и на лбу у него едва заметный белый шрам, — это ему попало клюшкой, когда играли с соседней школой. Наверное, больно было. А Гелька из ворот не ушел. И почему никто никогда об этом не вспомнит? И почему он, сам, Васька, никогда не поговорит с Гелькой?

Но разве другие ребята хуже? И разве плохо было тогда, в тот единственный день, когда Васька работал после уроков со всем отрядом? Сначала притащили на школьный двор целую гору металлического лома. Потом грузили уголь, — сами, никто не просил. А потом до того разошлись, что с песнями ходили от одного к другому и пилили дрова и что-то перетаскивали, — родители только ахали. В этот вечер все дружили, да еще как! И почему такой вечер был только один?

Почему всем ребятам нет никакого дела друг до друга? Как из школы, так и врозь?

Да, в пятом «а» много непорядков. И как он, Васька, их не видел?

Как он не видел, что за окном, у самой школы, выросло из-за серого скучного забора белоснежное здание? Уже торчат из стен балки, и кое-где на них навешены балкончики.

Почему он, Васька, видел так мало? Потому что не было камня? Но разве без камня нельзя увидеть то, что и так у тебя перед глазами?

10

А на другой день утром Васька не нашел голубого камня. Он было заподозрил мать, которая частенько вытряхивала из его карманов все содержимое. Но на этот раз мать очень серьезно сказала, что никакого камня, да еще в футляре, она не видела.

У Васьки дела было по горло. Он еще много поискал и махнул рукой. А потом и совсем забыл про камень. Да и что в нем, камне? Все равно обо всем ребятам не расскажешь. Засмеют. Это точно.

Но однажды Васька все-таки вспомнил о голубом камне.

Над Гранитным городом должен был пройти спутник, и Васька с Гелькой сговорились залезть на крышу и сфотографировать его через старую подзорную трубу. Эту трубу Васька выпросил на одну ночь у соседа по квартире.

Забрались на крышу, наладили аппарат, легли и стали ждать.

Ночь была ясная. Только что высыпали крупные звезды, и Полярная звезда засияла в самой вышине щедрым голубым светом.

Вот тогда и вспомнил Васька о камне. А вспомнив, толкнул Гельку в бок.

— Гелька, вот бы мы сейчас заснули и проспали лет двести? Что тогда?

Гелька подумал немного.

— Тогда? Тогда ничего. Тогда бы уж давно коммунизм был бы.

— А нас бы приняли в коммунизм?

— Не знаю. Нет, наверное. Сказали бы: чего ж вы спали? Мы работали, а вы на готовенькое?

— А если бы мы работали?

— Ну, тогда бы приняли. Только сначала все-таки посмотрели бы, — что за люди такие? Подходящие к коммунизму или нет?

Гелька вскочил на ноги.

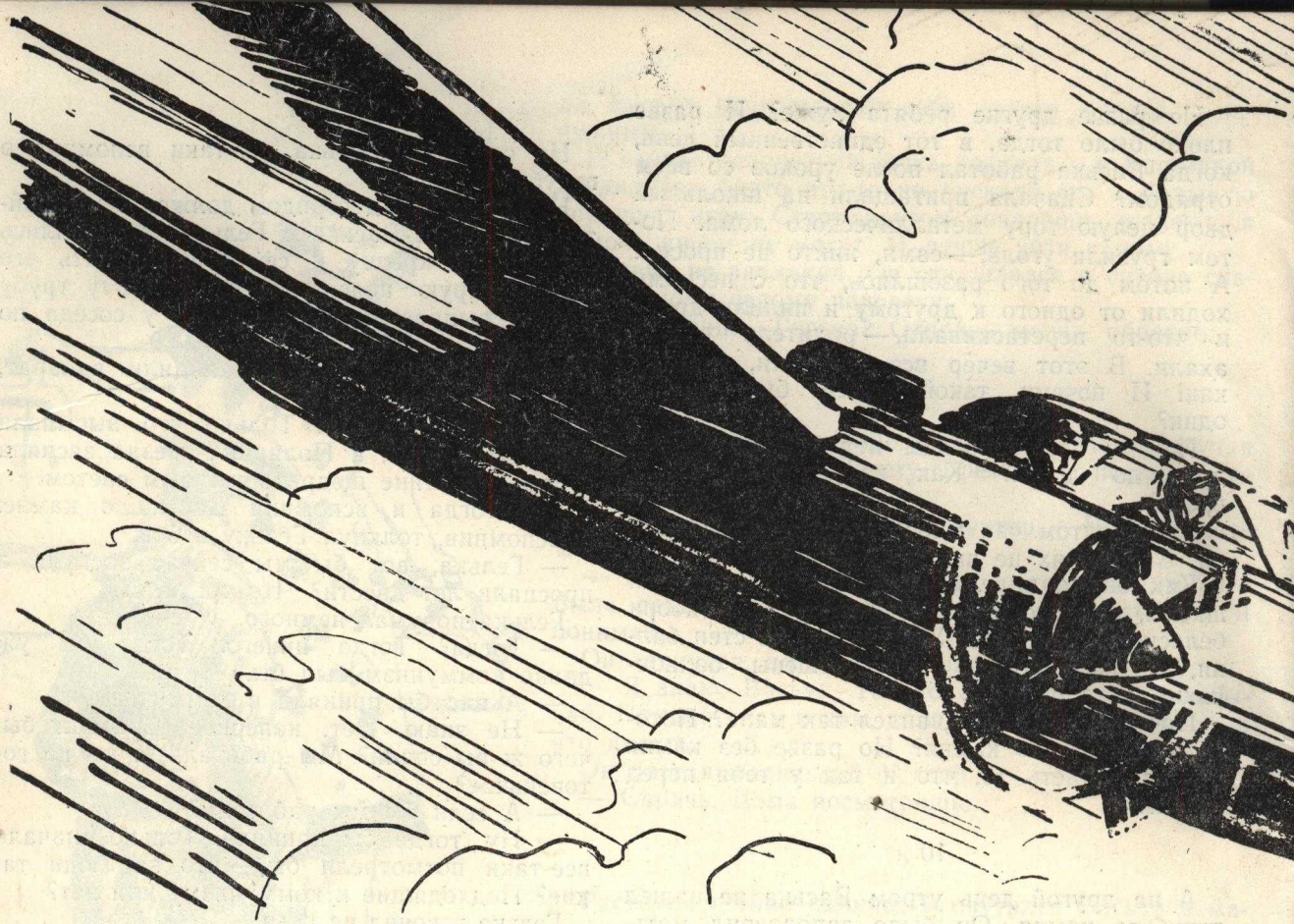
— Спутник!

Яркая красная точка стремительно пересекала небосвод. Успели сделать четыре снимка.

Но когда слезли с крыши, прошли темный чердак и выбрались на лестницу, Васька все-таки спросил:

— А какие это, Гелька, люди — подходящие?

Дальность, высота, скорость

А. Томили

На больших аэродромных часах—восемь-тридцать. Утро. Невысокое, умытое в волнах Тихого океана солнце. Тишина.

Старт! Рев моторов. Несколько минут — и словно вата закрывает иллюминаторы. Мы в облаках. Выше, выше... Летит под крыльями родная страна: тайга, Урал, Волга... Тысячи километров...

Голос в репродукторе: «Граждане пассажиры, пассажирский самолет ТУ-104 приближается к столице нашей Родины — Москве». Уже?

И снова аэродром. Снова здание аэровокзала. Свистит гудок в цехах авиаремонтных мастерских. Начало рабочего дня. Восемь часов. Утро! То же самое утро!

Сегодня среброкрылый «ТУ»

Рисунки В. Смирнова

обогнал время. А всего три десятка лет назад...

...Поздняя осень 1918 года. Большая нетопленная комната в старинном московском особняке — кабинет начальника научно-технического отдела Высшего Совета народного хозяйства.

У стола, заваленного бумагами, стоят двое.

Он подписывает пропуска с фамилиями — Жуковский и Туполев — и долго смотрит вслед ушедшим, дуя на озябшие пальцы. Холодно!

В конце того же года проект ЦАГИ утвержден советским правительством.

Самолеты того времени, собранные из деревянных жердочек, обтянутых полотном, похожи были скорее на этажерки, чем на грозные летательные машины. Так их и называли — «этажерками», и еще «летающими гробами». И самолеты старательно оправдывали свое прозвище. Сколько раз рассыпались они в воздухе на слишком крутых виражах, загорались от «адской смеси», заправленной в моторы. А сколько деревянных подкосов и неуклюжих ферм ломалось о выбоины и канавы природных аэродромов...

Дерево в самолетостроении будущего не имело. Нужно было искать другой материал.

В мастерской ЦАГИ на лабораторных столах появились большие гофрированные листы серебристого металла — дюралюминия, или «кольчугалюминия», как тогда его называли. Из него и начал Андрей Николаевич Туполев проектировать свои первые конструкции.

Все лето ушло на расчеты. Несколько раз сам Николай Егорович Жуковский давал конструкторам решения наиболее трудных задач, и каждый раз сам же от них и отказывался; дело и для него оказалось нелегким.

Наступила осень. В холодной мастерской мерзли руки, застывал клей. Уже кромки берегов сковал лед, когда первенец новой лаборатории увидел свет. На Москва-реку вытащили... глиссер. Не самолет, а лодку с воздушным винтом-пропеллером.

Затрещал мотор, легкое суденышко понеслось по стылой воде. Победа! А конструктор не интересуется ни скоростью, ни маневренностью глиссера. Зато когда после испытаний внутри корпуса не оказалось ни капли воды, Туполев не скрывает радости. Ведь это означает, что из листов кольчугалюминия можно строить прочные самолетные крылья...

Зимой того же года толпа прохожих с интересом наблюдала, как сквозь открытое окно аэродинамической лаборатории люди с криками вытаскивали во двор большое серебристое сооружение из гофрированного металла — снова не самолет. Аэросани марки «АНТ».

Машину отправили в Сокольники на испытания. И ее судьба, как только пришло известие об удаче, перестала интересовать конструктора. Аэросани понадобились лишь для того, чтобы знать, как строить самолетные фюзеляжи.

Подготовительные работы закончились. Настала пора учиться летать.

И вот в тех же мастерских идет постройка «АНТ-1», маленького самолетика со слабым мотором.

«АНТ-1» доставили на аэродром через то же окно, что и аэросани. На старте завели мотор. Самолетик разбежался, чихнул несколько раз и...

Сейчас нам даже трудно представить себе, что было время, когда самым тревожным вопросом для конструкторов при испытаниях являлось «взлетит или не взлетит?» И, надо сказать, многие не взлетали.

Первый самолет Туполева взлетел.

Пока шли испытания, работа не прекращалась. Рождался «АНТ-2».

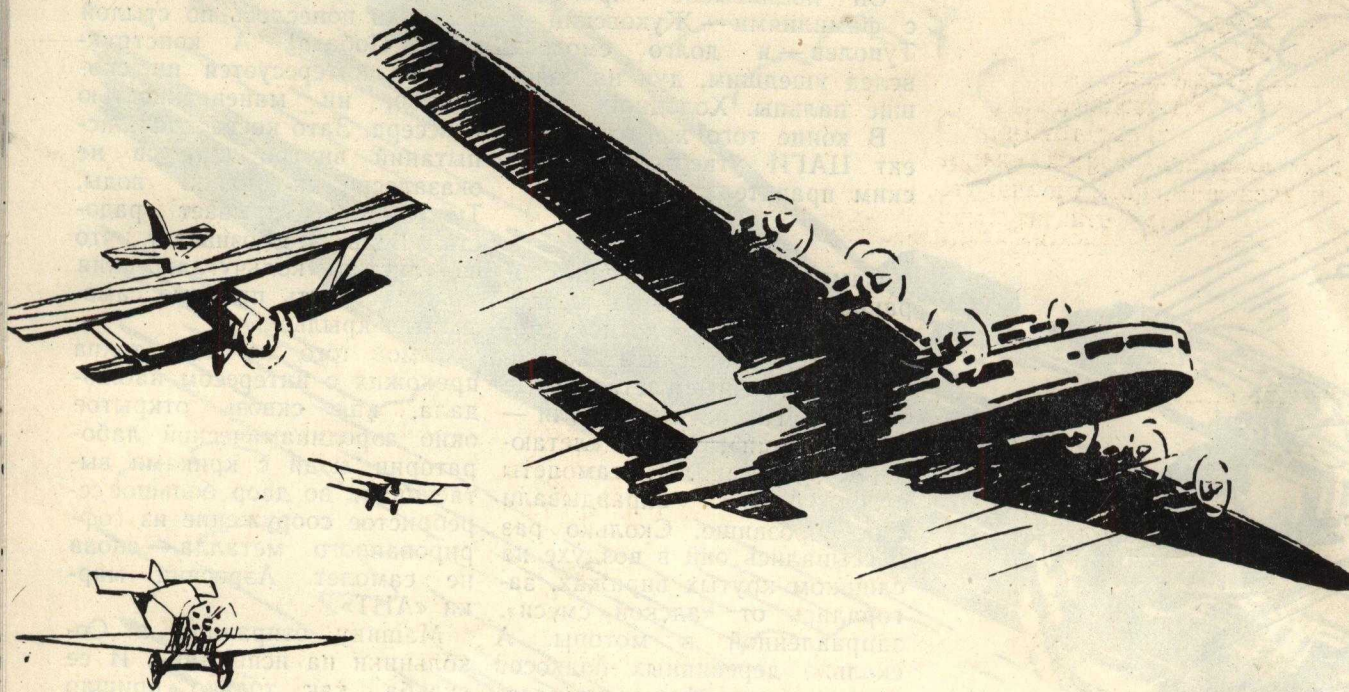
— Наше предложение заключается в создании Центрального Аэрогидродинамического института. Центра научной авиации России...

Высокий голос говорящего не вяжется с его обликом, — мощной, статной фигурой, дремучей бородой, из глубины которой вместе со словами вырываются клубы пара.

На ученом — длинное старомодное пальто. Рассказывая о проекте, он то и дело оборачивается к своему спутнику, широкоплечему молодому человеку студенческого вида. У того открытый взгляд, мягкие усы нависают на уголки губ. Держится он почтительно, но независимо.

Начальник научно-технического отдела встает.

— Хорошо, — говорит он, — я доложу ваш проект Владимиру Ильичу.

Чтобы вытащить его со второго этажа, пришлось разобрать кирпичную стенку. Ни в окно, ни в двери «АНТ-2» не пролезал. Это был первый отечественный цельнометаллический пассажирский самолет.

Правда, второй «блин» вышел комом. «АНТ-2» летал плохо. Чтобы не бросать готовый самолет, его стали «доводить» на месте испытаний. Зато следующая конструкция — «АНТ-3» — оказалась куда лучше. После испытаний самолету присвоили имя «Пролетарий», и в 1926 году, пилотируемый совсем молодым тогда летчиком, ныне Героем Советского Союза Михаилом Грозовым, «АНТ-3» совершает круговой перелет по Европе.

Иностранные специалисты никак не могли поверить, что эта первоклассная машина построена в Советской России, советскими людьми, полностью из отечественных материалов и летает на соб-

ственном, советском моторе. Но всего через два года в европейском небе прогудели моторы «АНТ-9». Москва — Берлин — Париж — Рим — Лондон — Варшава — Москва! Не верить было нельзя!

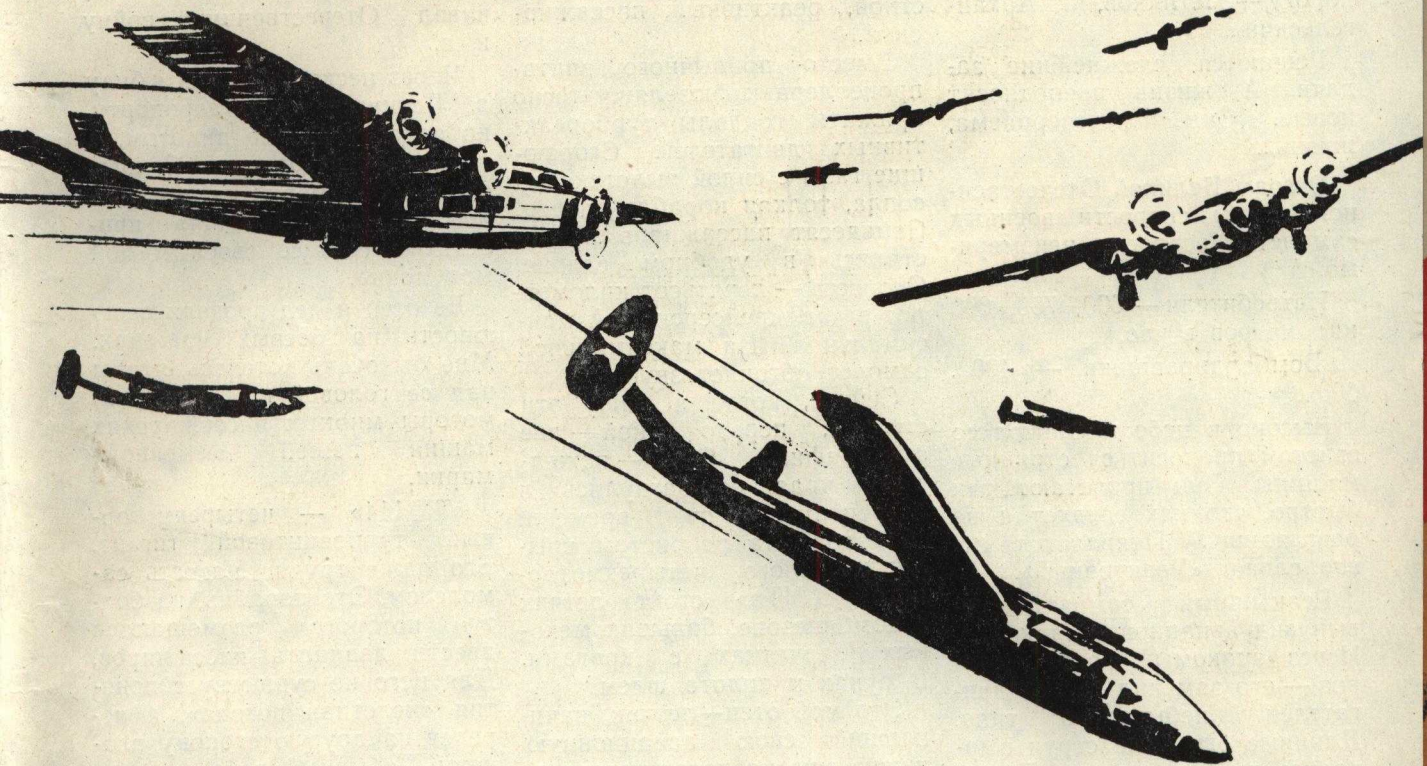
С каждой новой моделью ту-полевские машины становятся совершеннее. Все больший груз поднимают они на своих крыльях, увереннее слушаются управления. Теперь это не «этажерки», для которых каждый вираж — смертельный риск. О прочности и надежности «антов» ходят легенды. И не зря. Известен, например, такой случай. Однажды тяжелый бомбардировщик «ТБ-3» («АНТ-6») потерпел аварию над сплошной тайгой. Ни про-света, ни возможности посадить машину на открытом месте. Садиться приходилось на лес. Сто двадцать метров рубил самолет крыльями деревья, и все-таки крылья не отвалились. Экипаж остался жив.

Четырехмоторные АНТ-6 долго считались лучшими тяжелыми машинами мирного класса. Не раз совершали они заграничные перелеты. В 1937 году они первыми в мире приземлились на Северном полюсе, высадив на льдину экспедицию Папанина.

А тремя годами раньше в первомайское московское небо взмыл восьмимоторный «Максим Горький», «АНТ-20» — самый большой в то время самолет в мире. Он поднимал восемьдесят пассажиров. На его борту разместились, не мешая друг другу, электростанция, радиостанция, типография и киноустановка.

Вопрос прочности и надежности воздушных кораблей был решен. Металл победил окончательно.

Первые самолеты летали не только неуверенно, но и очень недалеко. Когда в 1909 году француз Луи Блерио перелетел на своей машине через

тридцатитрехкилометровый Ламанш, мир приветствовал перелет, как небывалое достижение. «Нет больше проливов!», «Мост через Ламанш!», «Отныне Великобритания расположена на материке!» — восклицали газеты.

А двадцать лет спустя советский двухмоторный «АНТ-4» под названием «Страна Советов», ведомый С. А. Шестаковым и Ф. Е. Болотовым, совершает перелет Москва — Нью-Йорк. Сухопутная машина без поплавков пересекает Тихий океан. 142 летных часа — 21 242 километра пути.

И наконец знаменитый «АНТ-25». Одномоторный красавец с крыльями небывалой длины.

«АНТ-25» иначе назывался «РД» — рекордный дальний. И не даром. Именно на нем, краснокрылом, экипажи В. П. Чкалова и М. М. Громова совершили беспосадочный перелет из Москвы в Америку через Северный полюс.

Мировой рекорд дальности побит. Побит машинами Туполева.

Современный воздушный корабль, насчитывающий сотни тысяч деталей, не может рассчитывать и сконструировать один человек, даже самый гениальный. Самолет создается коллективом — десятками инженеров и техников. И чем больше такой коллектив, тем труднее руководить им, тем важнее роль человека, который стоит во главе.

Генеральный конструктор должен представлять себе весь будущий самолет в целом. Чувствовать его, видеть так, как видит художник еще не написанную картину. Такое чутье дается опытом и талантом.

Рассказывают, что однажды к Туполеву обратился один из его учеников за консультацией. Андрей Николаевич внимательно рассмотрел чертежи и

перечеркнул фюзеляж самолета возле хвоста.

— Не выдержит. Слаб. Может подвести при посадке.

Инженер не согласился, заспорил. Проверил свои расчеты и не нашел ошибки.

Машину построили, допустили к испытаниям. Она взлетала, садилась, снова взлетала. Готовились подписать акт о сдаче, как вдруг во время посадки раздался треск. Хвост самолета отломился...

«ТБ-7», тяжелый высотный бомбардировщик.

«АНТ-31» — первый советский истребитель с убирающимся шасси.

Бомбардировщик «АНТ-40», в гражданском варианте «Родина», — на нем в 1937 году замечательный экипаж летчик Осипенко, Гризодубовой и Расковой установил еще один мировой рекорд.

Все плодотворнее, все успешнее трудится Туполев и его ученики: их много уже, некоторые вышли на самостоятельную

дорогу — Петляков, Архангельский...

Решаются сложнейшие задачи. А жизнь преподносит новые. Она неисчерпаема, жизнь...

В годы Великой Отечественной войны скорости военных самолетов возросли неизмеримо.

Истребители — 600, 700, 800 километров в час.

Бомбардировщики — 400... 600...

Высоко в небе начинают со свистом проноситься странные машины. Они пролетают так быстро, что как следует и не разглядишь. Появляется новое слово: «Реактивный».

Реактивный самолет — новый вид авиационной техники. Исчез знакомый рокот моторов — его заменил грохот двигателей небывалого типа. Длинные огненные струи вырвались из-под крыльев. Пришлось, чтобы не сжечь хвостовое оперение, поднять стабилизатор вверх. Пришлось изменить конструкцию плоскостей: вместо широких, прямых, они стали узкими, отогнутыми назад, похожими на наконечник стрелы.

А пассажирские, транспортные самолеты по-прежнему летали со скоростями в триста-четыре-пятьсот километров.

И снова, как тридцать лет назад, когда на смену дереву в самолетостроении пришел металл, от конструктора требовался смелый шаг, смелое, революционное решение.

Шаг был сделан. В голубом небе появился ТУ-104. Скоро-

стной, реактивный, пассажирский.

Вместо привычного винта-пропеллера к фюзеляжу тесно прижаты gondoles турбореактивных двигателей. Сгорающие газы с силой вылетают из сопла, толкая корабль вперед. Семьдесят пассажиров разместились в удобном салоне. Скорость — девятьсот километров в час, крейсерская. А максимальная? На максимальной самолет обгоняет звук...

Сейчас, когда я пишу эти строчки, передо мной — две фотографии. Одна — портрета, края ее загнулись и истрепались от времени. 1931 год. На ребристом крыле тяжелого четырехмоторного «АНТа» стоит летчик в комбинезоне, больших меховых перчатках с крагами. В руках у пилота шлем.

Это мой отец — летчик, начинавший свою авиационную жизнь еще на полотняных альбатросах Блерио и «Фарманах». Машинах, в которых пилот сидел на велосипедном седле, обдуваемый со всех сторон встречными ветрами. Эти аэропланы плясали в воздухе от малейшего перемещения корпуса летчика; с них в 1919 году отец вручную сбрасывал на головы белогвардейцам самодельные бомбы.

А вот вторая фотография: тяжелый двухкилевой бомбардировщик только что приземлился на поле аэродрома. Отброшен колпак. Улыбаясь, щурит глаза пилот от яркого солнца. Солнца первого мирного дня.

Вместе с отцом на бомбардировщике «ТУ-2» закан-

чивал Отечественную войну и я.

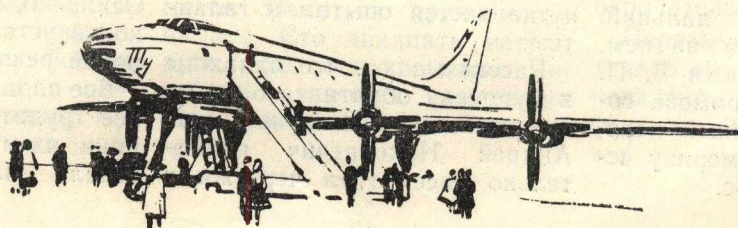
Через несколько дней я буду в Ленинградском аэропорту, но на этот раз не пилотом, а только встречающим. С юга, от теплого моря, на воздушном гиганте «ТУ-114» прилетит вместе со своей мамой моя дочка.

Ее отец и дед провели свою юность на боевых машинах. Мне бы очень хотелось, чтобы над ее головой всегда гудели моторы мирных пассажирских машин нашей «семейной» марки.

«ТУ-114» — четырехмоторный турбовинтовой гигант. Его даже трудно назвать самолетом. Это корабль, на борту которого размещаются двести двадцать пассажиров. Для него не существует понятия «нелетная погода», а перелет на другую сторону планеты — обычный рейс.

Вот он появляется над аэродромом. Конструкция его так изящна, что в воздухе, издалека, размеры его вовсе не кажутся огромными. Ближе, ближе. Формой фюзеляжа он напоминает щуку, у которой вдруг по недоразумению выросли крылья. Самолет делает круг над аэродромом. Посадка. Да, только теперь, когда я стою возле трапа высотой с двухэтажный дом, я в полной мере понимаю, что это за громадина... А пассажиры идут и идут, сотня, другая, — половина курьерского поезда.

Кто знает, может быть, следующий «ТУ» так же обычно будет облетать планету...

АЛЕШКА

Никол Эркай

Рисунки Т. Ксенофонтова

Что красивее раннего утра? Тих, не шелочнется воздух. В низинке между берегами притаилась молочная речка. Туман. Журчит ручей, вытекающий из родника. Постепенно блекнут неяркие звезды. Но солнце еще не взошло. И пока что все — люди, и птицы, и даже трава — все спит чутким утренним сном.

Из загородки, расположенной у реки, доносятся вздохи коров, пережевывающих жвачку. Тут же стоят два шалаша: в большом спят доярки, в маленьком — пастухи.

Алешка поднялся — заря еще не занималась. Спал он на сене под теплым овчинным тулупом. Вскочил из шалаша в одних трусах.

Поеживаясь от холода, быстро умылся, сунул голову в кадку с водой и совсем проснулся. Натянул штаны, схватил удочки и — к реке. По пути Алешка прошел мимо загородки, где лежали коровы. Навстречу ему, сладко позевывая, поднялся Цоп.

— Спишь, ленивец! — Алешка погладил собаку, бросил ей кусок хлеба и по высокой траве направился к реке. Шел Алешка, как по воде плыл, намок по пояс, — трава вся в росе. Ноги коченели, но он знал, что когда подойдет к реке и забредет по колено в воду, — отогреется. Вода утром парная, теплая.

Закинул Алешка снасти, опустился на корточки и замер, забыл, что озябли ноги, сидит, не шевельнется. Зачиликали в тальнике птицы, задергали дергуны в траве. Но Алешке это без надобности. Ничего не слышит, ждет клева. Пришел он сюда не для пустого баловства. Рыба нужна дояркам к завтраку.

Вдруг чья-то рука схватила его за плечо, придавила книзу. Алешка даже на землю сел. От испуга пробежал озноб по телу.

— Не боишься один в такую рань?

Чувствует Алешка: отпустила рука. Быстро вскочил на ноги, обернулся. Перед ним стоял невысокий, плечистый человек в суконном костюме. На спине рюкзак, у ног чемодан, а на поясе кинжал. Кожаные сапоги человека

были мокры — видно, долго шагал по росе. Вгляделся Алешка получше в незнакомца и улынулся. Узнал. Это Митрич, ветеринарный фельдшер, сосед.

— Митрич, ты? А я было напугался. Здравствуй, — и протянул руку.

— Да ты и в самом деле меня за бандита принял.

Митрич скинул рюкзак, снял с себя плащ и постелил его на берегу, поближе к воде. Сели. Алешка так обрадовался старому знакомому, что и об удочках позабыл.

— Давай рассказывать, как здесь живете.

— А чего рассказывать, дядя Петя... Семь классов кончил, теперь пасу стадо в колхозе. А живу один, сам знаешь...

— И пасешь один?

— Нет, я в подпасках, главный — Иван Степаныч. А ты, дядя Петя, уже курсы кончил? Насовсем приехал?

— Скотина в порядке? — перебил Митрич.

— Всех коров вывели на луг. Бык больно хорош. Семь тысяч-то не зря отдали, да, дядя Петя? Ты ведь Байкала целый год не видел. Идем к стаду, покажу.

— Почему это Байкал в общем стаде?

— А где ж ему быть? — удивился Алешка.

— На ферме, — сказал Митрич. — Такую ценную скотину разве можно с общим стадом гонять? Кто эту глупость выдумал?

Алешка старался понять Митрича, но так и не понял. Почему это быка нельзя держать в общем стаде? Но Алешке было приятно, что с ним разговаривают как со взрослым, и он постеснялся задать вопрос.

— Федька выдумал. Теперь он у нас за ветеринара, он и распорядился.

— Кто, кто? — удивился Митрич.

— Да Федька!.. Или уж забыл? По соседству живет.

— И как дело идет у этого Федьки?

— Как идет?.. Я знаю, что ли, как... Он больше к дохлой скотине приглядывается. Как подохнет свинья или овца, — сразу тут как тут. Поглядит, посмотрит и скажет:

«Кровь в голову бросилась». А потом заберет и отвезет куда-то.

— А много скотины пало?

— Много не много, да есть... В марте больно хорошая свинья сдохла...

— Смотри, смотри! — крикнул неожиданно Митрич и дернул удочку. Красноперый голавль брякнулся на берег. Алешка схватился за вторую удочку. И у него удача. Налим!

Рыба точно проснулась. Клев начался бесперебойный.

— Нет ли еще снасти? — спросил Митрич.

— Есть, — шепотом отозвался Алешка, — только удища нет.

— Пойду срежу.

Митрич вытащил из ножен кинжал, да такой, что Алешка только рот разинул, глядя на блестящую сталь.

— Ох, ты!.. Дядя Петя, где достал?

— Охотничий. Для него специальное разрешение нужно.

— Дядь Петь, дай лучше я схожу за удищем!

Забыл Алешка и про рыбу, и про скотину. В руках у него настоящий охотничий нож. Попробовал на ноготь — бритва. Хлестнул по тальнику — повалился тальник, как трава под косой. «Вот бы мне его», — подумал Алешка.

А на реке словно рыбе стадо нагрнуло. Пока Алешка ходил за удищем, Митрич натаскал рыбы, не то что на уху — на три хватит. Но Алешка такому улову не удивился. Не впервой ему ухой доярка кормить.

— Что больно рыба жадна? — спросил Митрич. — Сама на крючок лезет.

— Она у меня приучена, дядя Петя. Я ее подкармливаю, с самой весны корм бросаю. А в селе никто не знает, не ходят сюда. Только мне пора, там уже дойку кончают. Хватит рыбы, дядя Петя.

Собрали удочки. Алешка нанизал рыбу на кулан. И пошли. Солнце вот-вот покажется: восток загорелся — смотреть больно. Туман совсем пропал, только кое-где в низинках лежал, как вата.

Еще издалека донесся запах парного молока.

Байкал вышел из загородки и стоял, наклонив голову, словно прислушивался, как струи молока звенели, падая в ведра.

— Байкал! — позвал Алешка.

Бык поднял голову и, увидев Алешку, качнулся к нему навстречу.

— Дядя Петя, встань в сторонку, как бы не рассердился на тебя. Новых людей страсть не любит.

Бык подбежал к Алешке рысью, влажным, широким носом ткнулся ему в грудь.

Перед мальчиком стоял дымчатый, кудряво-лобый, толстоногий великан. Он был короток, но грузен. Широким лбом бык подталкивал Алешку, обнюхивал его руки, видно, что-то искал. Потом отступил, замычал и передними ногами стал рыть землю.

Бык явно сердился. Митрич поставил чемодан на землю, скинул с плеч рюкзак.

«Надо спасать Алешку. Сомнет... — с опаской подумал он. — А как прогнать? Ведь и в руках-то нет ничего...»

Алешка, видя эти приготовления, засмеялся:

— Не бойся, дядя Петя, ничего не будет. Это он гостинца просит.

Алешка смело подошел к сердитому Байкалу и нарочито спокойно обнял его за шею. Потом вытащил из кармана ломоть подсоленного хлеба. Байкал съел гостинец, облизал розовым языком губы и высоко вздернул голову.

— Чего ж ты стоишь, бычина? — звонко спросил Алешка. — Съел и, думаешь, все? А где благодарность? Ну-ка, прими! Прими меня!

Байкал вытянул шею и громко замычал. Затем покорно опустил свою башку до земли. Алешка не торопясь уселся между рогами на кудрявый лоб быка. Бык поднял голову и медленным шагом понес своего хозяина к шалашам. Там он снова опустил голову, дал Алешке слезть и направился к коровам. Митрич остолбенел от удивления.

— Он у меня, дядя Петя, балованный. Если я ему гостинца не дам, ничего есть не будет и на луга не пойдет. А меня он никогда не обидит, только кричать на него нельзя. Не любит, — сказал Алешка, принимаясь чистить рыбу. — А ты, дядя Петя, давай костер разводи, уху сварим. Сейчас доярки придут.

— Ай да Алешка! — засмеялся Митрич. — Я ведь и то напугался, думал, сомнет он тебя. А он у тебя, вроде, ручной.

Давно уже, целый год не сидел у костра Митрич. И сейчас с наслаждением вдыхал он почти забытые, горькие запахи костра. Этого не было в городе. И Митрич с какой-то детской радостью ворошил обгорающие ветки и смотрел, как покрываются языками копти стенки ведра.

— Ты, дядя Петя, совсем домой или на побывку? — спросил Алешка.

— Какая там побывка! Отучился. Насовсем пришел. Как дома-то у меня?

— Дома? Дома хорошо... Андрейка в восьмой перешел... — насупившись, сказал Алешка.

Вопрос Митрича задел самое больное место. Да что говорить... Алешка давно завидо-

вал своему другу Андрейке. У того есть мать. И отец, — вот он, Митрич... А у Алешки... Никого нет у Алешки. Разве что Андрейка... Да Байкал еще...

Невеселые Алешкины думы прервал раздраженный голос:

— Ты опять на быка сажался! Сказано было, чтоб ты этого не делал, так слушай. А ну, беги фляги таскать! И удочки свои забудь, ты здесь не рыбаком поставлен. Встаешь чуть свет, а потом ходишь за стадом, проморгаться не можешь. Ты за коровами смотреть поставлен, так и смотри, как положено...

Это Федька еще издали начал показывать свою распорядительность. Митрича он не видел.

На вид Федька, как говорят, немудрящий: низкорослый, тощий, с острым носом и узким лицом. Выпуклые глаза его слишком велики для такого лица, и, кажется, позаимствованы у какого-то другого, сильного и хищного человека. В остальном же Федька неказист. Даже пиджак его был неопределенного цвета — не то черный, не то рыжий...

Подойдя к костру и увидев Митрича, Федька приосанился, одернул свой пиджачишко, сдвинул на затылок картуз.

— Здорóво, Митрич! Вернулся?

— Здорóво, — ответил Митрич.

— Ого, каким видным стал, сосед. Тебе бы там остаться, поди, в министерстве сгодился бы, — Федька засмеялся.

— Куда уж нам, здесь бы управиться, — сказал Митрич. — А ты, Федор Иванович, зря на мальчишку покрикиваешь. Ничего худого Алешка Байкалу не сделает. К тому же от этой дружбы, замечаю, у быка характер стал получше. К человеку привыкает, — Митрич вынул портсигар. — Закурим?

— Давай пшеничными побалуюсь, у нас все больше самосад идет, — Федька взял папиросу, помял ее в пальцах, выдернул веточку из костра, прикурил и предложил Митричу.

— Что же это вы тут с быком творяете, зачем в общее стадо пустили? Племенной бык ведь, а не телок какой-нибудь. Понимать надо. Как же ты допустил, Федор Иванович?

Видно не по душе пришлось Федьке это замечание. Он вскочил, бросил папиросу, стал крутить сигарку из своей махорки. Сказал раздраженно:

— В кабинете его держать, что ли? — Зажег сигарку, выпустил через ноздри две струйки дыма. — Ты, Митрич, больно скоро... Миром мы это дело решали... Порешит мир взять быка обратно, тогда и возьмем. Тут, сосед, столько забот — ни головы, ни рук не хватает. Не знай за стадом догляд держать, не знай за его благородием Байкалом. Да и чего ему не хватает! Дополнительную порцию питания получает, рацион для него составлен барский...

— Ну, ты не кипятись, Федор Иванович, как-нибудь решим это дело, — мирно сказал Митрич, не хотевший начинать первый день ссорой.

Но Федька разгорячился, оборвал разговор и ушел не простясь.

— Вот ведь человек... — проговорил Митрич задумчиво. — В зоотехнике не смыслит,

в ветеринарном деле не разбирается, а за место держится. Уцепился, как клещ...

— Он зато в парном молоке хорошо разбирается, — отозвался Алешка. — Хоть бы ты за это взялся, дядя Петя.

— Ничего, сынок, уладим.

Доярки закончили дойку, слили молоко в бидоны и стали их таскать в родник, который был забран в сруб и сверху покрыт плотной крышкой.

Алешка наскоро выхлебал чашку ухи, съел рыбину и подался к коровам.

Краешек солнца, поднявшись над лесом, брызнул огнем, окатил светом весь стан. Женщины, окончив работу, потянулись к костру.

— Катерина, откинь крышку с родника, пусть туда солнце заглянет, — крикнула Дуня и подошла к Митричу.

— Ты, случаем, не на повара учился, Митрич? — спросила она, подавая руку. — Здравствуй. Что больно долго не ехал? Мы тут с Федькой замучились. Как же, начальник?

— Могу и поваром, — сказал Митрич и посмотрел вслед уже еле видимому Федьке.

Стадо ушло на луга. Митрич подобрал свои вещи и направился домой вдоль загона.

Изгородь была сплетена из ивовых прутьев. Обширный, в несколько гектаров, загон стоял на самой бросовой, каменистой земле. «Правильно задумано, — решил про себя Митрич. — Где скот, там и навоз. В будущем году на этой земле даже конопля может уродиться».

Поднявшись на бугор, Митрич увидел стадо, рассыпавшееся на лугу вдоль речки. Увидел и Алешку с собакой.

Идет Митрич по своей земле. Все ему здесь

знакомо, все радует. Здесь он родился, отсюда уходил на войну...

Пока шагал Митрич полями, все горячее становилось солнце. День звенел от жары.

На дверях дома Митрич еще издали увидел замок. Он знал, где спрятан ключ. Быстро открыл дверь и вошел в избу. На столе лежала записка. Писала жена, Марина:

«...Ждала, ждала, так и не дождалась, пошла в поле искать тебя. О приезде твоём Федька сказал. Ты, наверное, и дорогу к дому забыл. Обед готов и баню истопила...»

Митрич скинул пиджак, сапоги и босиком отправился через сад к бане. Отворил дверь. Пахло жаром. Митрич набрал воды в ковш, плеснул на камни. Горячие клубы пара ударили в лицо, заполнили баню.

Вот ты и дома, Митрич!

Жалел Митрич, что сына не застал. Соскучился. Ну-ка ты, целый год не видались. Да разве Андрейка усидит в избе!

...Андрейка привел пару коней на клеверные, запряг в сенокосилку и принялся косить клевер. Лошади ходят ходко, мотают головами, хлещут хвостами, отгоняя оводов. Полдень. Над полем тянет сухой горячий ветер. Скошенный клевер усеян лиловыми цветами, стелется за машиной ярким ковром. В густой траве до обеда не высохла росная сырость, от нее веет прохладой. Андрейка крепко держит в руках вожжи и покрикивает на лошадей:

— Поторапливайтесь, голуби!

Солнце палит — терпенья нет. Андрейка без рубахи, спину напекло, она румяная, как морковь. Когда Андрейка прошел три круга, на подводах приехали за травой доярки, а с ними и Митрич с Алешкой. Алешка всегда так: лишь только загонят коров в загородку, прибегает помогать Андрею. Вот и сейчас, подбежал к косилке, остановил лошадей.

— Давай слазь, моя очередь!

Андрейка уступил ему место. Алешка взобрался на сиденье, дернул вожжи. Лошади, почуяв твердую Алешкину руку, двинулись еще ходче.

А Андрейка подбежал к отцу и уткнулся лицом в его грудь. Митрич обнял его и шлепнул широкой ладонью по горячей спине.

— Хотел дома тебя застать, сынок, а там и духу твоего нет.

— А чего в пустой-то избе делать? Здесь мы с Алешкой...

Андрейка с отцом подошли к телеге, стали помогать дояркам накладывать траву. Потом Андрейка повез траву на ферму. Из загона навстречу ему вышел Егор Васильевич, заведующий фермой. Был он в летах, но на ноги легок. Одет аккуратно: синяя сатиновая рубашка, на ногах яловые сапоги.

— Давай, Андрей, езжай в загородку, — сказал Егор Васильевич.

Заехал Андрейка в загон, там свалил траву на землю. Егор Васильевич начал раскладывать траву по кормушкам, Андрейка отправился обратно.

— Помногу больно накладываете, лошадь зарежете! — крикнул Егор Васильевич.

— Оттуда под гору, дядя Егор, — отзывался Андрейка.

Пригнал Андрейка еще воз. Теперь кормушки полны свежего клевера. Вернулись к ферме и Митрич с доярками. Андрейка с Алешкой поехали лошадей отводить. Доярки умылись у холодного родника, приготовили подойники, фляги, надели халаты. Митрич с Егором Васильевичем, стоя у загородки, ожидали прихода стада.

— Мальчишки-то работают, что взрослые мужики! — удивлялся Митрич.

— Алексей решил отца заменить. Подслушал я их разговор с Андрейкой твоим... — ответил Егор Васильевич.

Подошло стадо. Пахло от него молоком и горячим потом. Над стадом вился рой слепней. Коровы мотали рогатыми головами, хлестали себя хвостами, и каждая стремилась скорее пробраться в прохладное и тенистое место. Они двигались плотно, бок о бок, тесня и толкая друг друга. Эта несокрушимая лавина с трудом вмещалась в ворота, напирала на изгородь, грозя развалить ее.

— Ну, балуй! — покрикивал Егор Васильевич. — Красавка, ты что делаешь!

Наконец коровы разобрались у кормушек и набросились на свежий клевер. Они ели жадно, как будто и не с зеленого луга пришли, а из голодной степи. Один Байкал не торопился. Он стоял в стороне и ждал, когда войдет все стадо. В ворота он протиснулся последним и не спеша побрел к своему месту.

Андрейка с Алешкой верхом на лошадях поехали на полевой стан. Завели лошадей в конюшню, задали им корму и побежали к себе домой, в лагерь.

Катерина накормила ребят галушками, и они направились к реке. Но купаться не стали. Быстро разделись и переплыли на другой берег, держа одежду в руке над водой.

Еще издали они услышали тарактенье трактора.

— А, помощники пришли! — увидев ребят, крикнул тракторист дядя Миколь. — Что сегодня поздно так?

— Лошадей отводили на стан, — ответил Андрейка.

— Дядя Миколь, покажешь, как трактор заводить, ты ведь обещал сегодня показать? — спросил Алешка.

— Я на ветер слов не бросаю. Обещал, значит увидите.

Миколь соскочил на землю и направился к своему напарнику, который сидел за рулем второго трактора.

— Давай, Иван, глуши мотор. Курсанты пришли.

Мотор стих. Иван слез с сиденья, поздоровался с ребятами за руки и пошел к полевой будке. Там взял ведро с водой и стал пить из него большими глотками.

— Ну, сынки, давайте заведем трактор, — сказал Миколь и намотал на головку заводного мотора бечевку. Раз дернул, другой — мотор молчит. Еще раз дернул, и старт, — затрясся, застрелял, как пулемет. Вслед за ним затарахтел и мотор трактора. Андрейка с Алешкой уселись рядом с трактористом в кабине.

Не один круг уже прошел трактор. Алешке казалось, что не только тракторист Миколь, но и он сам мог бы вот так вести послушную машину. С самой весны каждый свободный час он проводит у трактористов, приглаживается, расспрашивает, а иногда и руками потрогает. Миколь ему не мешает — видит, что парнишка интересуется всерьез, но машины пока не доверяет. Так и пашут: Миколь за рулем, Алешка — рядом.

Но, как ни хорошо на тракторе, есть и свои обязанности. Пришло время, и Алешка с Андрейкой, так и не напахавшись, отправились на ферму.

После ухода ребят сказал Ивану Миколь:

— Видал парней? Трактористы растут. На таких и время потратить не жалко.

Прибежал Алешка к загону, огляделся и — сердце замерло. Байкала в загоне не было.

— Взяли на село Байкала, — сообщила тетка Катерина. — Сердился все, сначала не шел, потом пошел. Взнуздали его, как жеребца, и привязали к задку телеги...

— Кто же теперь за ним смотреть будет? — с обидой спросил Алешка.

— Сам Митрич обещал.

Байкал и в самом деле упрямылся, не хотел уходить. Долго все пытался обернуться, взглянуть назад, но не удалось: крепко-накрепко

был привязан к телеге. Сердился Байкал, напугал могучую шею, даже раза два телегу поднял, но все же людей не осилил — увели.

Хоть и доверял Алешка Митричу, а с Байкалом расставаться — очень обидно. Одного хлеба сколько скормил, пока подружились...

— Дедушка, зачем Байкала отдал? — спросил пастуха Алешка.

— Ему сынок, особый рацион нужен, прохлада, царское место необходимо, кабинет, не иначе... у нас с тобой, видишь, ума не хватит за ним доглядеть...

— Кто еще за ним приезжал? — не унимался Алешка.

— И Федька был... Всем кричал, что бык в одиночку из ума выйдет и за это перед народом Митричу придется ответ держать. А все же Митрич по-своему сделал... Да и председатель Иван Ефимыч тоже способствовал.

Не сладко сегодня Алешке. Вдруг почувствовал он себя совсем одиноким: что есть он на свете, что нет его — все равно. Взяли и увели быка, и даже его, Алешку, не подождали. Если на то дело пошло, Алешка и один отвел бы Байкала, и без всякой телеги...

Пастух шагал впереди стада. Алешка брел сзади, от обиды еле ноги волочил. Коровы шествовали не спеша, обмахиваясь хвостами, наклонялись время от времени, чтобы выдрать пучок травы. Сейчас Алешка ненавидел коров. Хоть бы поговорить с кем-нибудь, пожаловаться. Да некому, собака и та удрала в деревню.

От злости Алешка начал думать о коровах вслух:

— У-у, отрав... Жрут круглые сутки и все голодные. Толку от вашего молока... Порезать бы вас... котлет наделать. Все польза... Или убежать куда-нибудь... хоть на полюс...

Так брел Алешка, поносил ни в чем не повинных коров, разговаривал сам с собой. Отбилась в сторону рекордистка Красавка. Алешка — к ней, вытянул рекордистку палкой. А все из-за Байкала.

Два года тому назад привезли Байкала еще теленком. Шел Алешка из школы домой. По дороге его обогнала колхозная машина. Алешка не сразу и узнал ее: в кузове была сделана загородка, а в загородке стоял бычок с белой

полосой на лбу. По ухабистой весенней дороге Алешка еле догнал машину, прицепился сзади. Так и доехал до фермы.

На ферме теленка осторожно сняли с машины. Очутившись на земле, бычок постоял немного, потом замычал, брыкнул задними ногами и пустился наутек. Вихрем пронесся по лужайке, подбежал к запруде и стал как вкопанный. Тут его, озорника, и зацапали. Водворили на ферму в отдельный станок, напоили молоком, и он, утомленный дорогой, улегся на свежую солому. Алешка тогда успел дать ему кусочек хлеба, оставшийся от завтрака в школе...

— Але-о-о-шк! — донеслось до Алешки. Кричал пастух.

Алешка, встрепенувшись, огляделся вокруг, увидел: несколько коров забрались в хлеба. «Послать бы Цопа, да нет его», — подумал Алешка. Лениво побрел выгонять коров. Подойдя, увидел, с какой жадностью драли коровы недоспелую рожь — выдирали и пережевывали прямо с корнями, будто год не ели.

«...Сегодня суббота. На селе бани топят... Мне никто не натопит», — подумал Алешка. Сегодняшний день казался бесконечным. Прилег Алешка и не заметил, как уснул. Кочка — подушка, зеленая трава — перина, высокое небо — одеяло. Спит Алешка безмятежно, а коровы гуляют, где им хочется.

Повернуло на заход солнце, похолодал воздух. Поднялся легкий ветерок, налетел на Алешку, взъерошил выгоревшие нечесанные волосы, — спит Алешка.

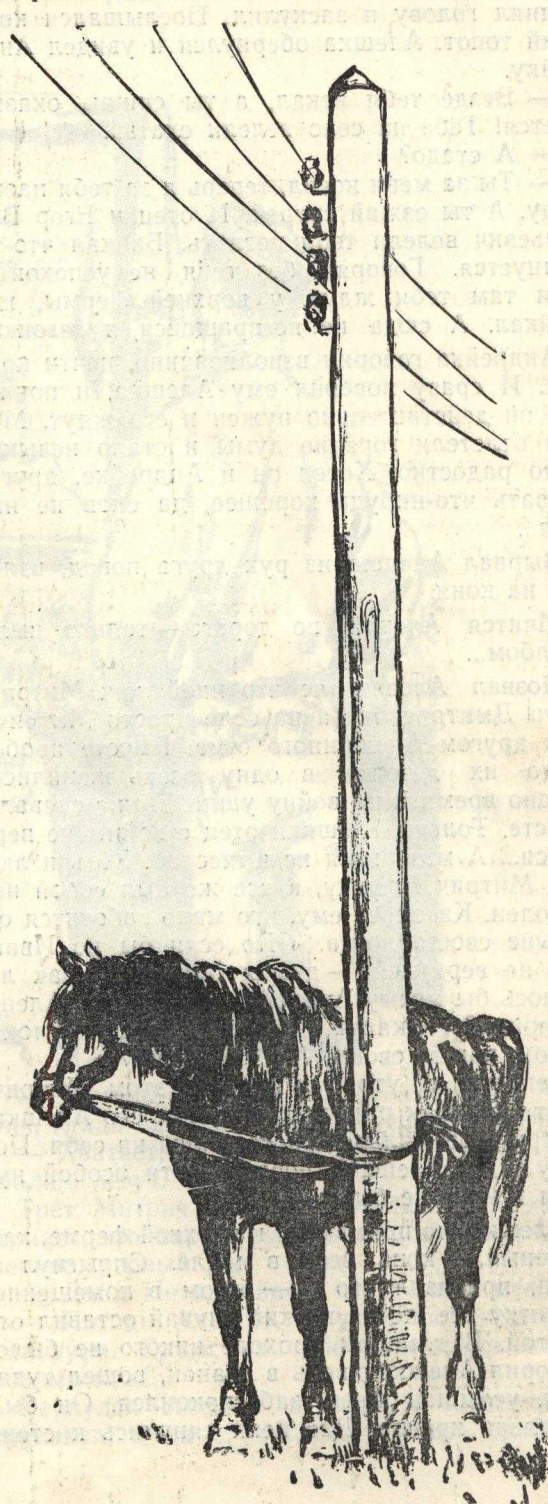
С плачем пролетел мимо чибис, даже не взглянул на мальчишку, занятый своим птичьим горем. Спит Алешка...

Уже зазвенел первый комар, присосался к Алешкиной щеке, наливаясь кровью. Покрыснело, раздулось комариное брюхо — спит Алешка.

В это самое время на дороге показался всадник. У ног лошади бежала собака. Все ближе и ближе подъезжал этот всадник, вот он остановился на бугре, стал осматриваться. Алешки у стада не было. Собака бросилась к стаду, обежала его кругом и тоже не нашла Алешки.

Тогда собака принюхалась, подняв голову, и бросилась к шалашам. По дороге она и наткнулась на мальчика. Постояв немного над спящим, лизнула его в лицо. Спит Алешка...

Даже от собачьего поцелуя не проснулся. Не вытерпела собака, помотав хвостом, легла на живот. Глядя на Алешку, тявкнула — сначала осторожно, потом громче, потом залаяла во всю мочь. Алешка проснулся. Сел и начал протирать глаза кулаками. Сразу даже не мог сообразить, где он.

— Цоп, ты откуда взялся? — с радостью сказал Алешка.

Обнял собаку и, притянув к себе, положил ее голову на колени.

— Цоп, и ты было удрал от меня. Тебе не стыдно? Где Байкал?

Цоп будто понял, о чем его спрашивают, поднял голову и заскулил. Послышался конский топот. Алешка обернулся и увидел Андрейку.

— Везде тебя искал, а ты спишь, оказывается! Тебе на село велели ехать...

— А стадо?

— Ты за меня косил, теперь я за тебя пасти буду. А ты езжай скорей. И отец и Егор Васильевич велели тебя позвать. Байкал что-то волнуется. Говорят, без тебя не успокоить. Они там тебя ждут, у верхней фермы, где Байкал. А сюда не возвращайся, я загоню...

Андрейка говорил взволнованно, почти кричал. И сразу поверил ему Алешка, и понял, что он действительно нужен и его ждут. Миготом отлетели горькие думы и стало невыносимо радостно. Хотел он и Андрейке, другу, сказать что-нибудь хорошее, да слов не нашел...

Вырвал Алешка из рук друга повод, взлетел на коня.

Мчится Алешка по дороге — только пыль столбом...

Позвал Алешку не кто иной, как Митрич. Петр Дмитриевич (а на селе просто Митрич) был другом Алешкиного отца. Вместе пробыло их детство, в одну осень женились, в одно время и на войну ушли. Даже воевали вместе. Только Алешкин отец с войны не вернулся... А мать горя не вынесла... Хоть и любил Митрич Алешку, а все же был собой недоволен. Казалось ему, что мало заботится он о сыне своего друга. «Что если бы не Иван, а я не вернулся? — думал Митрич. — Так ли жилось бы моему Андрейке, как сейчас Алешка живет? Пожалуй, глядел бы Иван за моим сыном, как за своим. А я как гляжу?»

Сегодня с утра думал об этом Митрич. И от того, как радостно встретил его Алешка, Митрич еще сильнее рассердился на себя. Потому и за Алешкой послал, хотя особой нужды в этом не было.

Алешка же примчался к верхней ферме, как бешеный, — конь весь в мыле. Спрыгнул с коня, привязал его и — бегом в помещение. Калитку все же на всякий случай оставил открытой. В длинном проходе никого не было. Отворил Алешка дверь в станок, вошел туда. Бык, услышав шаги, забеспокоился. Он был привязан крепко. Две цепи тянулись к стене

от его морды: они были прикреплены к кольцам, ввинченным в бревна.

— Байкал! — позвал Алешка.

Бык потянулся к нему мордой, но цепи удержали его. Алешка смело протиснулся между Байкалом и стенкой, похлопал быка по загривку. Байкал ткнулся мордой в Алешкину грудь, обнюхал лицо и руки. Он явно искал чего-то. Алешка вынул из кармана кусок хлеба, протянул Байкалу на раскрытой ладони. Бык осторожно взял хлеб губами, прожевал и шумно вздохнул.

Митрич, Егор Васильич и Иван Ефимович, сидя в правлении, видели, как прискакал Алешка, но не вышли к нему, оставили одного с Байкалом. Лишь спустя некоторое время они направились к ферме и остановились у дверей. Успокоившийся Байкал ел траву. Алешка увидел мужиков, подошел к ним.

— Иван Ефимович, здравствуйте. — Алешка протянул председателю руку.

— Здравствуй, Алеша. Успокоил быка? Мы тут без тебя никак с ним совладать не могли. Ты давай навешай его.

— Я Байкала не брошу, — твердо сказал Алешка, — он, Иван Ефимович, у меня балованный. Ему кусок соленого хлеба — обязательно каждый день. Вы тут ему давайте.

— Не беспокойся, Алеша, выполним.

Мужики, попрощавшись с Алешкой, отправились по домам.

— Идем, Алешка, и мы домой, — сказал Митрич.

Алешка, прежде чем уйти, отвел лошадь на конюшню и задал ей корму. Митрич одобрительно кивнул головой: хороший хозяин вырастет из парня.

Наконец и Алешка с Митричем направились к дому. Идут они вдоль села рядом, как сын с отцом. Светло на небе, светло и ясно в душе Алешки. Хотел Митрич взять Алешку за руку, да постеснялся: еще обидится, большой уже.

— Марина, принимай работников! — еще из сеней крикнул Митрич.

— Не кричи, готово все, — появилась из избы Марина. Невысокого роста, коренастая, румяная, в белом переднике. Увидела Митрича, заулыбалась.

Митрич снял китель, стянул сапоги.

— Накрывай на стол, проголодались хуже волков!

— И близко к столу не пушу, — засмеялась Марина. — От одного карболкой несет, другой весь в мазуте. А ну — марш в баню!

Марина сдвинула брови, словно рассердилась, но Алешка знал, что все это одно притворство. Была Марина чем-то похожа на его

мать — такая же хлопотливая и веселая. Вспомнил Алешка о матери, насупился. А Марина, будто поняла его, подошла, погладила по голове.

— Ты что это такой сердитый, Алешенька? Господи, да у тебя в волосах целый пуд грязи. Петя, стриги сейчас же. Чтобы я этих волос больше не видела.

Сама проводила до бани. Зашла в мыльню, плеснула воды на камни и открыла дверь.

— Пускай угар выйдет, потом зайдете. Веник в корытце лежит, — и ушла.

Митрич посадил Алешку на полкок, окатил горячей водой и начал мылить. Обгоревшая Алешкина кожа слезала с тела целыми пластами.

Алешку усадили на табурет. Накинула Марина на его плечи полотенце и началась стрижка. Алешке очень хотелось, чтобы Митрич оставил челочку, но сказать об этом он не решился. Однако Митрич и сам догадался, оставил чубик, как полагается. Взглянул Алешка в зеркало и едва себя узнал: голова белая и кажется большой, как котел.

— Вот это дело, — Марина провела по Алешкиному затылку рукой против волос. — Хоть куда парень!

Потом Марина быстро собрала белье. Алешке завернула новые трусы и рубаху.

— Комары-то дают знать? — спросил Митрич, глядя на расчесанные Алешкины ноги.

— Хватает, — сказал Алешка. — Они и в шалаш лезут, собаки.

Трет Митрич Алешку мочалкой, а про себя думает, что парень за все лето в бане-то, наверное, первый раз.

— Дядя Петя, давай я тебе спину потру.

— погоди, Алешка, сначала твою спину отшлифуем. Грязи на тебе накопилось — хоть возами, вози.

Вернулся Алешка в чистых, шелестящих трусиках, а на стуле лежат новые брюки и

гимнастерка, на полу стоят новенькие сандалии.

— С паром, Алешенька, — сказала Марина, — одевайся. Сандалии — тоже твои, Митрич привез.

Марина сама застегнула пуговицы на гимнастерке, расчесала Алешкин чуб.

— Хорошо помылись?

— Хорошо, — сказал Алеша, — аж кожа горит.

Сели за стол ужинать. Марина постаралась, нажарила котлет с макаронами. Алешка проголодался, ест — только за ушами хрустит.

После ужина вышли Митрич и Алешка из дома, присели на лавку.

— Какие книги читаешь? — спросил Митрич.

— Книги? — удивился Алешка. — Да я их и не читаю вовсе. У меня времени нет. Я, дядя Петя, и сплю-то мало, встаю рано, даже днем спать хочется.

— А как пионерские дела?

— Не знаю. В школе был пионером, а теперь не знаю. На сборы меня не зовут... Может, уже давно вычеркнули?

— Вот так пионер! — сказал Митрич. — Даже не знаешь, пионер ты или нет.

— А я позабыл об этом, работы много, — сказал Алешка. — У нас с дедушкой стадо, знаешь, какое, — молоко не успевают на завод отвозить. Что же я, виноват?..

— И в самом деле, тебя, Алешка, винить трудно, — задумчиво сказал Митрич.

Стало темно. Поодиночке начали проглядывать звезды. Послышался шорох листвы — это ветер лениво ворочался в саду, словно устраивался там на ночлег. После сытной еды Алешку клонило ко сну.

В это время примчался Андрейка. Возбужденный бегом, горячий, как уголек, он крикнул еще издали:

— Мам, я спать буду вместе с Алешкой!

— Иди мыться, — сказала Марина, целуя Андрейку в темя. — Поешь, потом разберемся, кому где спать.

Андрейка, как говорится, ноги в руки и — марш в баню. Марина вслед за ним понесла белье.

— Ну, Алеша, давай спать. Тебе Марина постелила в сенях. Андрей ляжет на погребце, это его любимое место, а тебе с ним нельзя: он как вьюн ворочается, все равно спать не даст.

— Дядя Петя, а можно мне чуть-чуть поспать с Андрейкой?

— Немного можно.

Пришел Андрейка из бани, поел, выпил кружку молока и — готов. Наконец-то они остались вдвоем. Забрались на погребец. Ан-

дрейка достал из-под постели какую-то тряпку и показал Алешке.

— Видал?

— Ну и что... — сказал Алешка. — Наш рюкзак, ничего особенного.

— Правильно, рюкзак, — Андрейка хитро улыбнулся. — Только разве рюкзаки пустыми бывают?

— Конечно, бывают, — Алешка ничего не понимал. — Вот этот же пустой.

— А мы сделаем, чтобы он был полный... — загадочно сказал Андрейка.

— Чего ты мне загадки загадываешь? — рассердился Алешка.

— Ничего не загадка. Был рюкзак пустой, станет полный. Понятно?

— А-а, за горохом? — догадался Алешка.

— Да мне гороху и даром не надо. Эх, ты! Знаешь, где я сегодня был? В большом саду. Там анис уже поспел и грушевка... Я уже разведочку сделал. Вот, тебе яблоко оставил.

Взял Алешка яблоко, надкусил — во рту тает. Загорелся.

— Идем!

— Сандалии сними, через забор полезем.

Мимо дома пробрались ребята на огороды. Тихо сейчас в селе, даже собаки не лают. Никто их не видит, только луна сверху подглядывает.

Идут по тропе. Сто раз здесь ходили, а места будто и незнакомые. По обеим сторонам — картошка. Листья у нее от лунного света серебряные. На околице стоят избы. Крыши блестят, словно сделаны из белой жести. Все меняется в неверном лунном свете: дорога через поле серебрится и вспыхивает, как речка, так и хочется прислушаться, не журчит ли? Далекие постройки будто присели — расплылись, сливаются с темнотой.

Андрейка шепотом:

— Эх, и ночь, Алешка! Никогда такой не видал.

— И я не видал, — отозвался Алешка.

И снова замолкли. Мягко шлепают босые ноги по пыли.

Вот и сад.

— Яблоки рвать не будем, — прошептал Андрейка.

— А что, смотреть на них? Зачем тогда шли?

— Опять ты, Алешка, не понимаешь. Я же не сказал, что без яблок уйдем.

Алешке надоели Андрейкины загадки, но спорить боится — еще услышат.

Сад обнесен высоким забором. Вокруг забора густо посажена акация — ветроломная полоса. Подошли ребята к забору и скрылись в густой тени деревьев. Перелезли — сначала

Андрейка, затем Алешка. В саду никого не видно. Стоят яблони рядами, молчат. Алешка поднял с земли яблоко и надкусил. Яблоко хрустнуло на зубах так громко, что Алешка даже испугался. Прислушался — по-прежнему никого нет. Только тогда почувствовал, как свело скулы.

— Кислятина, — сказал Алешка. — Где же сладкие?

сквозь слезы. — Я на ежа наступил, наверное. Всю ногу исколол.

— Где еж? Покажи!

Вернулись, пошарили в траве. Да разве ночью отыщешь!

— Давай яблоки рвать. И домой пойдем... — сказал Алешка.

— Сказано, рвать не будем. Так одной зелени насобираем. Вот, смотри, — Андрейка

Андрейка еще днем приметил сладкие яблони, а теперь не мог вспомнить, где, — ночью сад совсем другим стал. Скрываясь в тени деревьев, ребята осторожно двинулись в глубь сада.

— Ой-ей! — заорал вдруг Алешка и отпрыгнул в сторону. Вскрикнул он скорее от неожиданности, чем от боли.

— С ума сошел! — зашипел Андрейка.

— Ты бы не сошел... — проговорил Алешка

потряс яблоню. Зашуршали в листве, застучали по ветвям осыпающиеся яблоки. — Теперь понял, почему рвать нельзя? Самая спелая падает...

Яблок нападало много. Стали собирать вдвоем. Набрали рюкзак, карманы, а на земле еще целый воз остался.

Тронулись домой. Рюкзак несли оба, держа с двух сторон за лямки. Андрейка первым залез на забор. Алешка подал ему рюкзак.

Андрейка перевесился, спуская рюкзак на ту сторону, да не удержался и вместе с ним грохнулся на землю. Когда Алешка перелез через забор, то увидел, что Андрейка сидит на траве и трет ладонью колено.

— Небось, не даром достаются яблочки, — плачущим голосом сказал Андрейка.

Алешка приспособил рюкзак на спину и пошел. Андрейка захромал следом.

— До крови?... — спросил Алешка,

— Вроде нет...

— Я тоже, знаешь, как искололся, — сказал Алешка. — Знаешь, Андрейка, завтра я в поле рано уйду, а яблоки возьму с собой. Пойдешь косить, приходи ко мне. Там уж наедемся...

Придя домой, ребята спрятали яблоки. Алешка ушел ночевать в сени. Андрейка забрался под одеяло и сразу уснул.

Сторожа с молочно-товарной фермы звали «Чужой Иван». Это чтобы отличить от своих Иванов, потому что пришел он в колхоз из соседнего села — женился на здешней.

Поздно вечером Чужой Иван обошел все фермы. Навестил и Байкала. На ферме, кроме Байкала, другой скотины не было. Чтобы быку не было душно, сторож оставил ворота открытыми. Байкал лежал на мягкой подстилке и медленно жевал жвачку.

Медленно тянется время дежурства. Одно развлечение Чужому Ивану — зайти в правление послушать радио. Вот и сегодня, — походит, походит Иван по участку и — в правление. Охранять-то особенно некого, на ферме один Байкал. Но все же, мало ли что, забредет какой-нибудь пьянчужка, устроит пожар.

Снова прошел Иван по ферме. Никого нет. Луна да звезды. Все село спит. Один Иван бодрствует...

Впрочем, нет, еще один человек не спит — Федька. Вот он, притаился у стены фермы, ждет, когда сторож кончит обход. Ведь говорил же Федька, что бык в одиночку сбесится. А раз говорил, так должно и быть...

Тишина стоит на улице. Спят люди, честно трудившиеся целый день. Воздух прохладен и чист. Гуляй, дыши на здоровье, если уж тебе не спится ночью. Но не для прогулки вышел на улицу Федька. Луна серебрит все вокруг, но свет луны Федьке только помеха.

Зашел чужой Иван в правление, уселся у приемника. Федька неслышными шагами пробрался к Байкалу. «Спишь, бычок? Сейчас проснешься... Будет веселье и тебе и Митричу».

С грохотом, словно бомба взорвалась, вскочил бык на ноги. Разъяренный, двинул рогами в дощатую стену. Стена не выдержала, повалилась. Натянулись цепи. Яростно мотнул Байкал головой — и доски, вырванные из стены, повисли на концах цепей. Так, вместе с досками, волочащимися сзади, выскочил Байкал из фермы. С глазами, налитыми кровью, роняя с губ розовую пену, неся Байкал по селу и крушил все, что попадалось ему на дороге. С диким ревом, как самых лютых своих врагов, лбом таранил Байкал за-

боры, рушил мазанки, погребцы — только пыль летела...

Первым услышал бычий рев Егор Васильевич. Он босой выскочил на улицу и, увидев разъяренного быка, попытался остановить его. Но для Байкала не было сейчас ни родных, ни знакомых. Все ему одинаково ненавистны. Лишь на секунду остановился он перед Егором Васильевичем, опустил голову, взрыл ногами землю и бросился... Егор Васильевич не успел посторониться. Удар здоровенной бычьей башки отбросил его в сторону саженой на десять. Так и остался лежать Егор Васильевич неподвижно. А Байкал двинулся дальше.

Разбуженное ревом и криками, все село, от мала до велика, высыпало на улицу. Тут и Митрич, и Иван Ефимович — председатель. Чужой Иван прискакал на лошади. Здесь же и Федька. Он бегал от одного к другому и кричал громче всех:

— Говорил я, взбесится скотина!.. Говорил. Говорил, не брать из стада! Что теперь делать? Умники!

Чужой Иван с кнутом в руке подъехал к быку и начал теснить его в сторону фермы. Бык бросился на лошадь и одним рогом, как показалось всем, лишь слегка цапнул ее по боку. Но от этого легкого прикосновения у лошади вылезли ребра, и она грохнулась на землю вместе с Иваном. Расправившись таким образом с живыми врагами, Байкал продолжал сокрушать неживых: амбарушки, плетеные сарайчики, погребцы. Он подходил уже к погребцу, где спал Андрейка. Женщины кричали:

— Убить его!..

— Стреляйте...

Как ни крепко спал Алешка, но услышал крики, проснулся. В одних трусах выскочил на улицу. Когда увидел людей и обезумевшего быка, вспомнился ему Федькины слова. Подумал: «Видно, прав был Федька...»

В эту минуту истошно закричала Марина: — Андрюшка ведь на погребце!.. Ой, убьет... помогите.

Не помня себя закричал и Алешка плачущим голосом:

— Байкал!.. Байкал!.. Байкал!..

Бык остановился, поднял голову и начал осматриваться вокруг. Бросился Алешка в избу, схватил ломоть хлеба, посолил и бегом обратно. Бык все еще стоял на месте. Алешка, увертываясь от рук людей, которые хотели задержать его, подбежал к Байкалу.

— Байкал!.. Байкал!.. Ты чего?.. Байкал...

Несколько секунд Байкал тупо смотрел на Алешку, словно не узнавал. Затем пошел пря-

мо на мальчишку. В толпе ахнули. А Байкал, убийца с налитыми кровью глазами, подталкивая Алешку мордой, стал обнюхивать его живот и руки. Алешка осторожно похлопал быка по шее. Люди замерли от удивления.

Байкал опустил голову, Алешка уселся между рогами. Байкал поднял его и медленно направился в поле со своей ношей. Люди раступились, с удивлением глядя на победителя. Байкал шел между двумя рядами, словно

Рядом с быком шуплый Алешка выглядел совсем маленьким. А бык уже пережевывал протянутый Алешкой кусок хлеба. Затем облизнулся и фыркнул в лицо горячим своим дыханием. Тогда Алешка сказал ему, как обычно:

— Ну, Байкал, прими, чего ждешь? Прими!

вдоль почетного караула. Проезжая мимо председателя, Алешка сказал ему по-хозяйски:

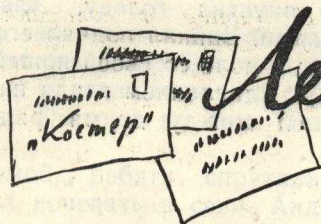
— Больше я вам быка не отдам. Сам буду смотреть...

Байкал побрел к лагерю. Озадаченные колхозники долго еще стояли молча.

(Окончание следует)

Авторизованный перевод с мордовского-эрзя

Ю. Томина

Ленинград — „Костер“

В редакцию пришло много писем о хороших людях — коммунистах и комсомольцах. Некоторые из этих писем мы печатаем.

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я хочу вам написать об одном человеке, он живет у нас в квартире. Зовут его Федоров Сергей.

Сережа недавно возвратился из армии. Он с благодарностью говорит, что армия сделала его комсомольцем. Сережа рассказывает об автороте, в которой служил шофером, но ни словом не упоминает о своих заслугах, хотя у него есть значки «Отличник боевой учебы», «Отличный шофер» и звание старшины.

Сережа и теперь работает шофером. Часто к нему приходят товарищи посоветоваться, и для каждого у него есть совет. Сережа работает в бригаде коммунистического труда.

Я хочу стать таким же настоящим комсомольцем, как Сережа.

Саша Карлик
Ленинград, 243-я школа

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Недавно я смотрел кинофильм «Военная тайна» по рассказу Гайдара. Мне очень понравился Алька — сын инженера Ганина. Мне понравилось, как он пел песни, рассказывал. Алька был смелым. Инженер Ганин, хоть и приехал отдыхать, помог исправить плотину и бороться с бандитами. Мне тоже хотелось бы быть таким, как отец Альки.

Смотрел я «Военную тайну» со своим приятелем Борисом. Когда мы вышли из кинотеатра, то все время говорили о том, что увидели. Мы были очень довольны этим кинофильмом.

Валерий Токарев
Ленинград, 202-я школа

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мне еще четырнадцать лет, но я давно мечтаю вступить в комсомол. Поэтому я очень огорчился, когда Пленум ЦК ВЛКСМ постановил принимать в комсомол с пятнадцати лет.

У меня есть старший брат, который сейчас работает на заводе. Скажу сразу, что мне очень хочется быть таким же или хотя бы похожим на него. В школе и на заводе его уважали и уважают товарищи. Недавно моего брата приняли в кандидаты партии, хотя ему всего девятнадцать лет. Это мне очень приятно, я горжусь братом. Скоро и я вступлю в ряды ВЛКСМ и постараюсь отдать, что могу, комсомолу.

Женя Баки-Бородов
Ленинград, 45-я школа

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Прошу вас мне помочь. Я хочу быть летчиком-испытателем. Я готовлюсь. У меня по арифметике бывают тройки, но я их исправляю.

Я пионер и собираюсь вступить в комсомол, читаю книги про авиацию. Но мне очень хочется познакомиться с настоящим летчиком. Если можно, прошу прислать мне адрес летчика, и я буду писать письма. Я хочу скорее вырасти и стать летчиком. Пишите ответ.

Саша Сергеев
Ленинград, 218-я школа

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я много слышал и читал о комсомольских патрулях. Как они наводят порядок, задерживают хулиганов. Какие они смелые, ничего не боятся, а наоборот, хулиганы их сами боятся. Теперь на всех заводах есть народные дружины. Они тоже охраняют порядок. Когда мне будет пятнадцать лет, я обязательно вступлю в комсомол и попрошусь в комсомольский патруль. Для этого надо быть сильным. Я каждое утро делаю зарядку.

Толя Карпущенко
Ленинград, 170-я школа

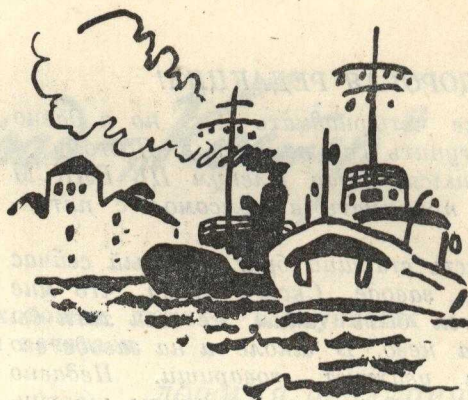
В 216-й ленинградской школе дружат два класса — девятый «Б» и четвертый «Б». Старшие и младшие.

Пришла пора старшим вступать в комсомол, младшим — в пионеры. Кто достоин? Оказалось, все. Оба класса — школе пример.

В Куйбышевском райкоме Коммунистической партии Советского Союза старшим вручили комсомольские билеты. И тут же старшие повязали младшим красные галстуки. Растите пионерами! Вырастайте в комсомольцы!

В Турку

Александр Прокофьев

Рисунки В. Ветрогонского

... Минуты остались и — Турку, прощай!

Мы вспомним тебя, но и ты обещаешь.

А если не так, то опять не беда,

Ты — город, а помнят не все города...

Прощай!..

И, тряхнув головою льняной,

В круг входит мальчишка с гармошкой губной.

Играй, мой товарищ, играй, мой дружок,

Ты галстуком красным мне сердце зажгешь,

И красною искрой большого костра

Летят «Подмосковные вечера».

Встает Подмосковье, цветет Подмосковье.

— Ну что же, цветы, — говорю, — на здоровье!

Прохладой дыши и гори на губах,

Цвети в этих белых финляндских снегах!

Звени в чернолесье, сверкай в краснолесье,

На месте не стой, величальная песня.

В заснеженном Турку и там, под Москвой,

Тряхнут пионеры льняной голозой.

Тряхнут головою и флаги взвоят,

И частую дробь барабаны забьют.

Греми, барабан пионерский, греми,

Губную гармошку в подмогу возьми!

ЗА ПОРОГОМ— УДИВИТЕЛЬНАЯ СТРАНА

Б. Сергуненков

Есть на свете удивительная страна. В нее можно попасть каждому: одни доедут до нее поездом, а другие — перешагнув порог своего дома.

Сколько жило на свете людей — все они в детстве или зрелом возрасте открывали для себя эту страну, — великие мыслители, поэты, полководцы, герои и мореплаватели.

Я счастливчик. Живу в самом центре этой страны. Стоит мне выйти из дома — и предом мой неизвестный, волнующий, загадочный мир.

* * *

Я работаю лесником. Мой дом стоит на сорок седьмом километре к северо-западу от Ленинграда и называется «лесным кордоном».

Я совсем молодой лесник. Молодой и неопытный. Не так давно я не мог еще отличить ольхи от ивы и мучался над простейшими, казалось бы, вопросами. Как растить и охранять лес, который доверили мне? Сидеть у сосны и караулить, чтобы ее никто не срубил? Но у меня в кварталах не одна сосна, а десятки тысяч. Мне не удалось бы оглядеть их за месяц, если бы я ходил по лесу дни и ночи, без отдыха...

Десятки раз блуждал я в собственном лесу, испуганно вздрагивая при виде лося или совы, не зная, как находить и наказывать людей, которые тайком рубили деревья. Что греха таить, я даже не умел смастерить себе хорошее топориче.

Постепенно тайны леса открывались передо мной. Глаз мой стал зорким: надо было вовремя заметить дымок пожара, следить, не появились ли в лесу вредные насекомые.

Я с удовольствием отметил, что у меня стали крепкие ноги, а это очень важно в нашем ремесле: почти каждый день приходится совершать «лесные прогулки» в пятнадцать-двадцать километров.

Руки мои привыкли к пиле и топору. Я научился валить огромные, двадцатиметровые сосны, рубить просеки, прорежать молодняк, собирать сосновые шишки: ведь в них семена

Рисунки В. Звонцова

будущих деревьев. Все это и объединилось в два слова — беречь и охранять лес.

В жизни лесника, полной тревог и волнений, я как-то незаметно для себя открыл удивительную страну и полюбил ее.

Я никогда не был художником, но глаза мои увидели столько цветов, столько непередаваемых великолепных оттенков, что мне позавидовал бы любой художник.

Весной, когда мне приходилось чистить заросшие молодняком просеки, в раннем холодном утре я слышал такое множество звуков, то ласковых, то беспечных, веселых и грустных, какое не услышит ни один самый тонкий любитель музыки.

А запахи? Каждый предмет в лесу имеет особый запах. Пахнет трава и кусты малины; тропинка и сосновые иглы, берег ручья и грибы, ширь сосновых лугов и прошлогодние листья; даже звезды в ночном весеннем небе, кажется, источают какой-то еле осязаемый удивительный аромат.

Здесь на кордоне я вдруг остро почувствовал, что такое Роди-

на, — милая, бесконечно щедрая и раздольная родина, с ее огромными городами-новостройками, полями, с ее сметливым и веселым народом, который творит чудеса.

* * *

Лес стоит и будет стоять на службе человека вечно. В былые времена Петр I из воронезского леса начал строить первый русский флот.

Известно, что лес идет на прокладку железнодорожных путей и на сооружение домов: из него делают оконные рамы и ручки для лопат, школьные парты, столы и тетради. Литр этилового спирта, полученного из древесины, — пара калош, пятьдесят литров — автомобильная покрывка. Выходит, лес — обувка для наших машин. Нефть, уголь — это ведь тоже дает лес.

Нравится ли вам ветер, ласковый и сердитый, с запахом разнотравья и смоляных веток? Этот ветер приносит лес. Тучи бороздят воздушный океан. Эти тучи собирает лес. Речки вливаются в море. Эти реки несет к морю лес.

* * *

Мы живем на кордоне вдвоем: дед Иван Леонов и я. Он тоже лесник. Но он лесник старый и мудрый. Лес для него — семья и дом. Проживет дед в нем до конца своих дней и умрет под шум сосен.

Наши орудия труда — пила и топор, а на случай пожара — обыкновенная лопата. Есть и еще один инструмент — широкий обоюдоострый меч, похожий на мечи средневековых рыцарей. Он предназначен для посадки молодняка.

Утром, едва встанет солнце, мы отправля-

емся в обход. Дед уходит на север, — тот еще по-утреннему темен и угрюм, я — в сторону южную.

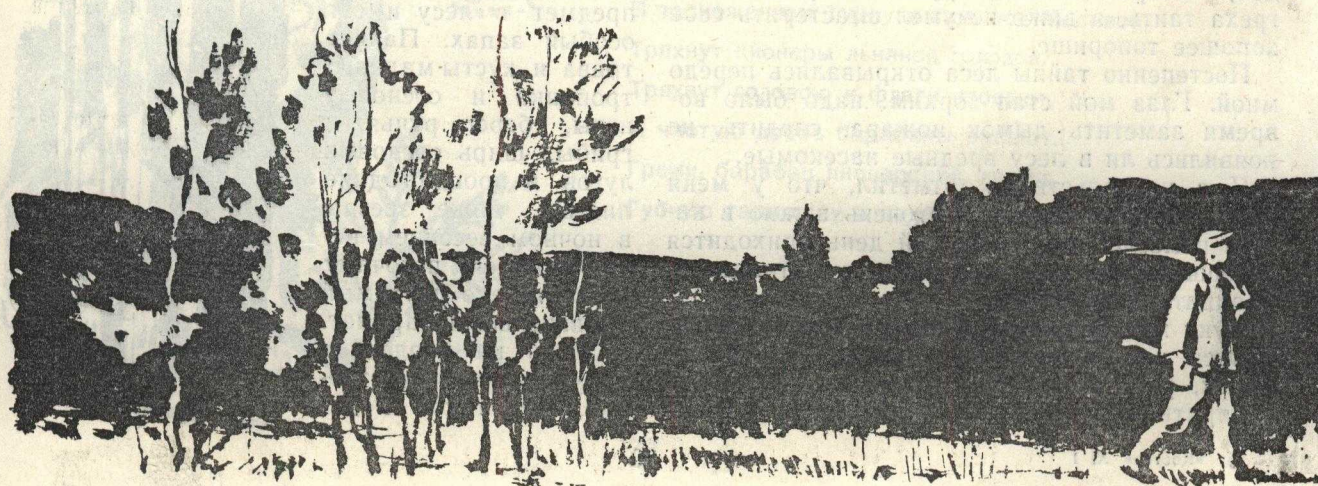
Вдали перед моими глазами среди зеленых листьев блестит полоской Финский залив. Мягкая упругая дорога, спрятанная в глубине деревьев, уводит меня в центр моих кварталов.

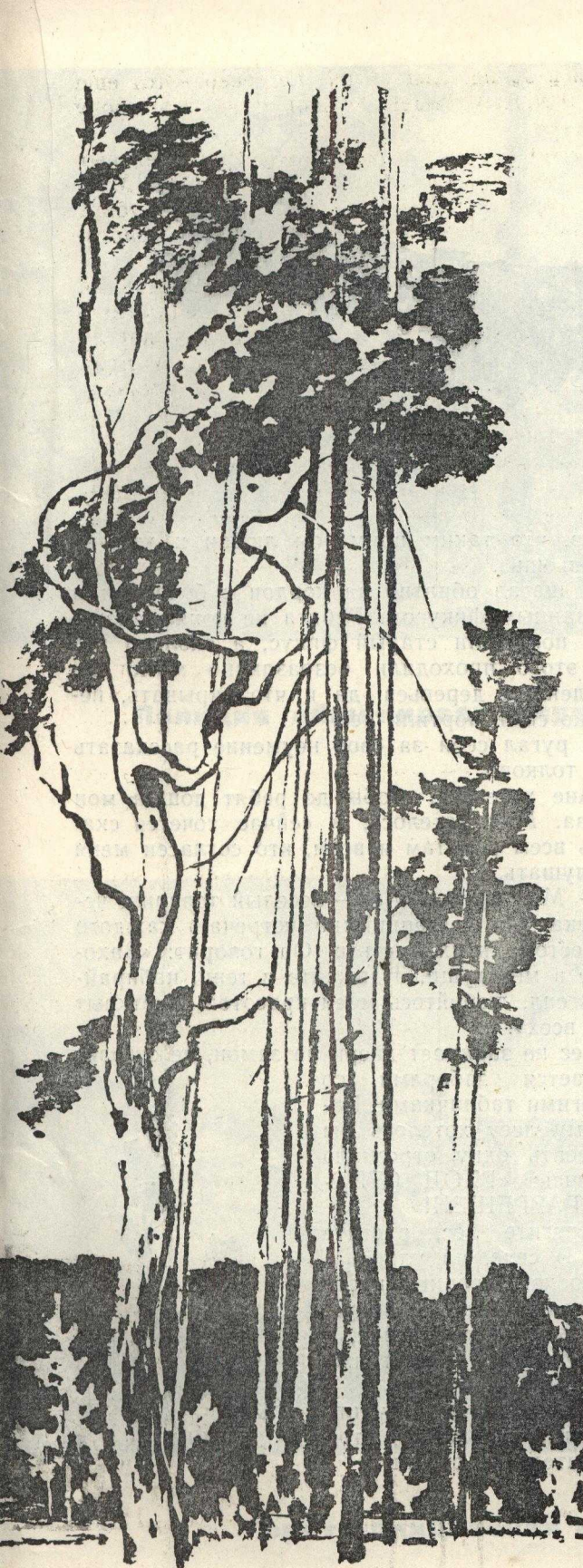
Над головой, чуть не задевая крыльями сосны, пролетел самолет. Это летчик противопожарной воздушной команды следит, нет ли в лесу пожара. Он мой друг и товарищ. Если он замечает меня, он приветливо помахивает крыльями, словно говорит: «Работай спокойно. Все в порядке».

Сквозь тишину утра доносится отдаленное тархтенье тракторов. Я знаю, это тракторная бригада Приморской РТС осушает болота. Дышится легко. От утреннего разноголосья птиц, от дождевой свежести, от яркого солнца — радостно.

Сегодня я иду «просветлять» молоднячок. Сосняк так густ, что по нему трудно пробираться. Молодые пятнадцатилетние сосенки подросли, места им стало мало, они толкают друг друга в плечи, в спины, и требуют простора. Вот я и занимаюсь «чудом»: те сосенки, которые удалась покрупнее, покрепче — оставляю, а хилые, замшелые — рублю. Звуки моего топора отдаются в зарослях и уходят в глубь леса, сосенка, медленно наклонившись, вздрагивает и падает на землю, я беру ее за шершавый ствол и волоку к костру...

Работа идет медленно, руки мои пахнут смолой и дымом, они исколоты иглами, но мне хорошо при мысли, что я делаю доброе дело. Лет через шестьдесят-восемьдесят на этом месте вырастет великолепный сосновый бор. Мои сосны станут великанами. Что из них

сделают люди? Срубят дом или собьют школьную парту, на которой будут сидеть полярные капитаны, поэты, умелые мастера, отважные путешественники?

* * *

Я слышал однажды такое суждение: книга делает человека умным, степь — вольным, море — беспокойным, небо — мечтательным, а лес — мужественным.

Не хочу отнимать мужества ни у моряков, ни у летчиков, ни у покорителей целины, о чьих подвигах пишется в газетах и журналах. Но на земле наберется много мужественных людей, гораздо больше, чем об этом успевают писать газеты. С первого взгляда жизнь их покажется незаметной, но стоит приглядеться — и за обычной работой, за жалобами на ревматизм, за ежедневными мелочами встанет человек во всей своей красоте.

Мой дед о себе скромного мнения.

— Мы люди маленькие. Работаем и все тут, — говорит он.

Но кто в наших местах не помнит, как этот «маленький человек», дед, которому давно пора лежать на печи и греть кости, один на один боролся с пожаром, и его, обожженного, чуть живого, привезли домой. Я, наверное, был единственным, кто видел его слезы. Не слезы боли, а слезы жалости за погибший лес.

Лес закаляет людей, приучает терпеливо скрадывать зверя, спать на снегу, на дожде, не скучать в одиночестве, нигде ни в чем не плошать.

Такие люди все умеют делать сами: варить обед, стирать белье, мыть пол, строить дома, пахать землю.

Но было бы неправильно думать, что мы с дедом гордецы, не желающие слушать о помощи. Нам помощь нужна, нам она очень нужна. И особенно от вас, ребята.

* * *

Как-то учительница соседнего села пригласила меня в школу рассказать ребятам о лесе.

Я долго думал, как сделать, чтобы ребятам было не скучно меня слушать, и додумался. В нашей кухне в бочонке с землей стоял старый фикус. Он достался нам по наследству от лесников. Он уже умирал от старости. Я прихватил с собой фикус и топор и отправился в школу.

В классе я поставил фикус на пол и стал рассказывать о нем, словно это был не фикус, а лес, настоящий живой лес. Говорил, каким он был маленьким, как вырос, как за ним ухаживали заботливые люди.

Ребятам понравилась эта часть моей речи, слушали они внимательно, но мне хотелось, чтобы они стали непосредственными свидетелями судьбы старого фикуса.

Я спросил ребят:

— Что делали бы деревья, если бы у них были руки?

Кто-то ответил:

— Они бы здоровались за руку.

А другой добавил:

— Они бы играли в снежки.

— Нет, — сказал я. — Они защищали бы себя от врагов. Но у них нет рук — и вот...

Перед моими глазами в те минуты вставали навсегда погубленные березовые рощи, голые пни, сломанные вершины нежных рябин...

Я поднял топор и срубил фикус. Это был старый фикус. Он умирал. Его незачем было жалеть. А на его примере можно было поучить ребят ценить молодую жизнь.

Не стану описывать дальнейших событий. Меня любезно выпроводили из школы, за-

явив, что таким примером любви к лесу не привьешь...

Я шагнул обратно на кордон с бочонком и срезанным фикусом. Ребята не поняли меня, они пожалели старый фикус, а сколько раз до этого проходили безразлично мимо погубленных деревьев, да и что скрывать, нередко сами портили лес.

Я ругал себя за свое неумение рассказать все толково.

Мне хотелось, чтобы до ребят дошли мои слова. Мне хотелось, и сейчас хочется сказать всем ребятам и всем, кто согласен меня послушать.

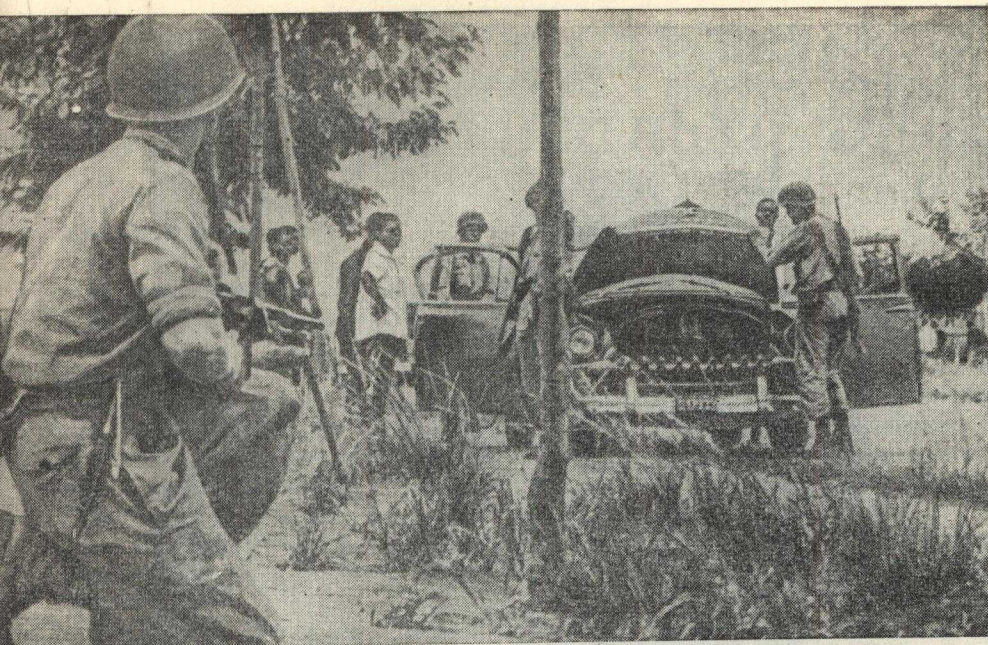
— Мои друзья! Лес — веселый товарищ человека. Он гостеприимно встречает каждого шестом своих листьев. Он говорит: «Заходите в мои гущи, отдыхайте в тени, набирайтесь сил, любуйтесь моей красотой. Я открыт для всех».

Лес не запирает двери на замок, не отгораживается заборами со строгими табличками. Каждому лесу хотелось бы вывесить одну огромную надпись: «ВХОД СТРОГО РАЗРЕШЕН!»

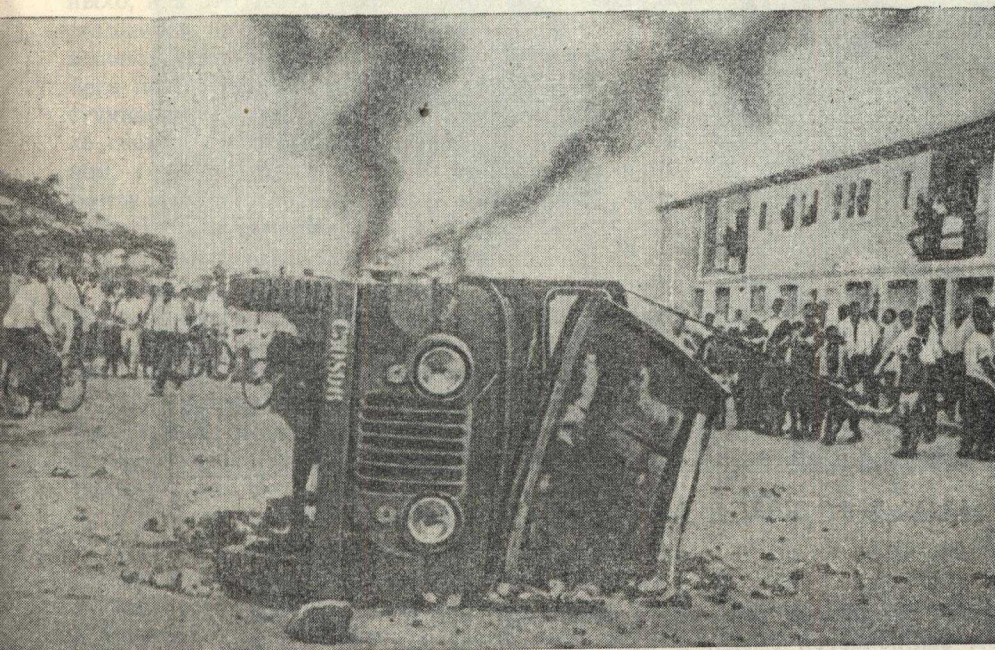
Берегите лес, растите его. В селе, на улице, в городском дворике пусть каждый посадит и сбережет хоть одно деревце, и взамен за это скажут спасибо.

Охраняйте лес. Будьте верными руками этой удивительной страны.

Полиция обыскивает мирное население

Горит полицейская машина

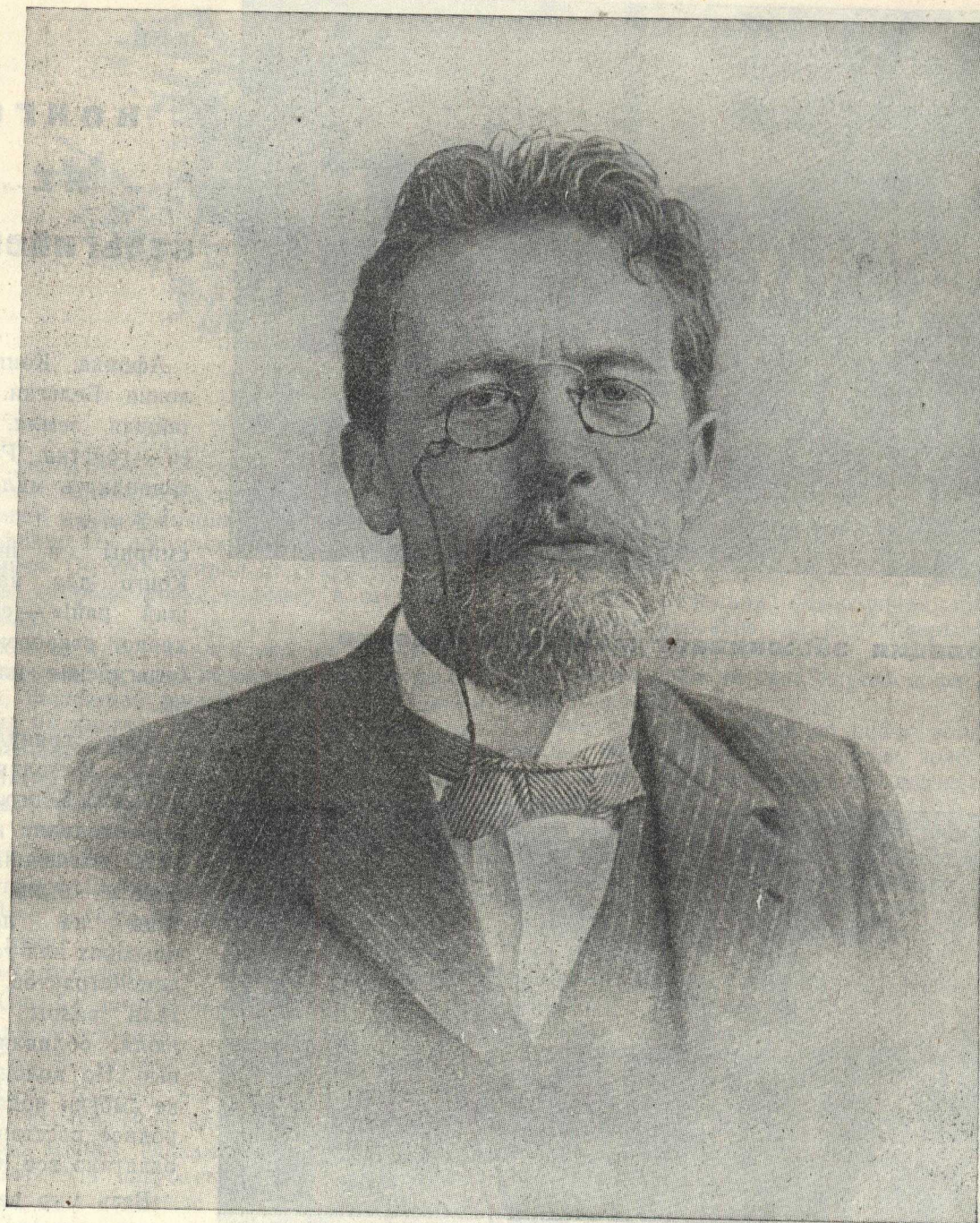
КОНГО НЕ БЕЛЬГИЙСКОЕ!

Африка. Конго. Колония Бельгии. Богатейшая земля. Хозяев — горстка. Рабов — тринадцать миллионов.

«Жители Конго смирны и покорны. Конго для нас — сущий рай!» — еще недавно откровенничали бельгийские плантаторы.

Буря грянула год назад... В столице Бельгийского Конго, городе Леопольдвиле начались волнения. «Свобода!» — было начертано на лозунгах, плывших над головами демонстрантов. Грохотали залпы. Падали люди, обливаясь кровью. Но колонизаторы не смогли подавить народное восстание. Оно охватило все Конго.

Весь мир верит: недолго осталось греметь цепям рабства в Африке. Народы черного континента должны стать свободными!

СТО ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

«Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге...»

А. Чехов

Про Ваньку Жукова

Аркадий Минчиковский

Грасюры К. Овчинникова

На последнем уроке Лина Петровна сказала: — Сидите спокойно. Сейчас мы прочтем рассказ Антона Павловича Чехова «Ванька», про Ваньку Жукова.

За партами задвигались и засмеялись. Многие обернулись назад и посмотрели туда, где, подперев голову кулаками в чернильных пятнах, притих известный в классе непоседа Ваня Жуков.

— Про тебя, — хихикнув, ткнул его в бок Чижевский, сосед по парте и приятель по всяким затеям.

— Тихо!.. Опять Чижевский и Жуков... — Лина Петровна строго посмотрела на мальчиков. Видно, она не находила ничего смешного в том, что за партой сидел Ваня Жуков. А через несколько минут и все в классе забыли о том, что рядом был настоящий Жуков и, затихнув, слушали рассказ о мальчике, который тоже когда-то жил в Москве.

В трубах парового отопления нехотят запылить, как это часто бывает зимой, когда здание стараются натопить теплее и в котельной не жалуют угля. Но никто сейчас не заметил нудного пения труб и далекого металлического постукивания. Вскоре исчезла и Лина Петровна со своими большими очками и доска за ее спиной, а вместо них всем вдруг увиделся мальчик Ванька Жуков, который, стоя на коленях перед скамейкой, заржавленным пером выводил кривые строки письма своему дедушке.

Когда Лина Петровна дошла до места, где Ванька жаловался деду на то, что хозяин его чем попало бьет, а кормит только хлебом, а на обед кашей и вечером опять только хлебом, а спать почти совсем не дает, и Ванька ради бога просил деда забрать его в деревню, — все в классе вздохнуло, а Ваня Жуков за партой поднял с желобка вставочку и осторожно убрал ее внутрь, чтобы она вдруг не покатилась.

А потом все рассмеялись, увидев, как смешно шустрый старичок Константин Макарыч пугал и без того перепуганного зайца, когда они с Ванькой ходили в лес за елкой для господского праздника.

«Приезжай, милый дедушка... Христом-богом молю, возьми меня назад...» — читала Лина Петровна, и всему классу до слез захотелось,

чтобы Ванин дед откликнулся на его просьбу и забрал его к себе.

И вот Ванька вложил лист в конверт, написал на нем: «На деревню дедушке Константину Макарычу» и, выбежав на улицу, опустил в ящик свое письмо без адреса.

Рассказ кончился. Лина Петровна захлопнула книгу и сняла очки, но в классе было по-прежнему тихо. От тех, кто сидел за партами, медленно уплывал Ванька Жуков и мерцающая свеча перед ним, которая отражалась в окне, когда он вспоминал деревню.

— Ну, понравилось? — спросила Лина Петровна.

— Очень уж грустно... Прямо жалость, — вздохнули девочки на первой парте.

— Такое время было, — сказала Лина Петровна.

— Лина Петровна, это все правда или придумано? — слышалось из крайнего ряда.

— Как вам сказать. Может быть и правда. Таких мальчиков тогда в учении были тысячи, и редко кто из них жил у хозяина лучше. Чехову могли рассказать, или он сам видел этого Ваню.

— Что же он тогда не научил его, как адрес написать? — вырвалось у Жукова.

Лина Петровна чуть улыбнулась.

— Вот уж, право, не знаю, были ли они знакомы. Давно это написано. Видите, и письма тогда еще на почтовых тройках по деревням развозили.

— А теперь — авиапочтой, на вертолете. Р-р-а-аз — и готово! — заявил Чижевский.

— Я бы этому хозяину!.. — крикнул кто-то. Но тут в коридоре весело зазвенел звонок, и Лина Петровна встала:

— До свидания, ребята, — сказала она. — Подумайте о том, что мы прочитали. В следующий раз побеседуем.

Уже на лестнице Чижевский толкнул Жукова и, убегая, крикнул: «Ванька Жуков, ученик сапожника!..» Потом в раздевалке, застегиваясь не на ту пуговицу, опять: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, пошел!..»

— Ладно; хватит, звонок! — Жуков ткнул приятеля в плечо портфелем, изрядно потрепанным в потасовках, и пошел к выходу.

На широченной, полной сутолочного движения улице они молча расстались. Чижевский, крутя портфелем, как пропеллером, зашагал к следующей парадной, а Жуков нырнул в подъезд и, поднявшись на носки, нажал кнопку лифта.

В этот дом они переехали из маленькой комнатки в тесном московском переулке. Ваня хорошо помнил: там рядом с высокими домами стояли такие, что им, наверное, сто лет было. На стенах даже буквы от старых вывесок сохранились. С закорючками, будто и не русские. Вот, может, в таком и жил Ваня Жуков. Чудак-человек, такой штуки не мог сообразить, как адрес надо написать... А дедушка, может быть, думал, что ему хорошо у сапожника живется. Все-таки этот Ванька Жуков не выходил из головы Жукова, который сейчас поднимался на лифте на пятый этаж нового здания.

Дома Жуков едва дождался, пока с работы вернулся отец. Не успел тот как следует намылить руки, как сын появился в ванной.

— Па-ап, ты писателя Антона Павловича Чехова читал?

— Ну ясно, читал. На что тебе?

— А, например, что читал, помнишь?

Алексей Иванович распрямился над раковиной и наморщил лоб:

— Ну, много разного. У нас и книга его есть. Там стоит. Толстая такая, большая!

Сын кинулся к этажерке, на полках которой стояли отцовские книги, и отыскал тяжелый, как кирпич, том. С трудом высвободил его, перевернул обложку и увидел... В кресле сидел задумчивый человек со старинной бородкой и добрыми глазами смотрел на нынешнего Ваню Жукова. Так вот он какой — Чехов! И очки удивительные — велосипедиком, а к ним, будто чтобы не убежали, привязан шнурок.

Мать принесла и поставила на стол тарелку, до краев наполненную дымящимся борщом. Отец отложил в сторону газету и стал есть.

— Па-а-а, а ты про Ваньку Жукова читал?

— Это про тебя? Замечания в дневнике? Читал.

— Да нет. Я про другого.

— Про какого?

— Вот про этого.

Ваня отыскал рассказ в оглавлении, раскрыл книгу и положил перед отцом. Алексей Иванович отодвинул тарелку и заглянул в книгу. Мать принесла макароны с мясом, но он не торопился приниматься за них.

— Про мальчишку, — усмехнулся Алексей Иванович. — Как он на конверте — «На деревню дедушке...» — написал. В каком я еще классе читал, а до сих пор помню.

— Это не про нашего деда? — тихо спросил сын.

— Почему про деда? Откуда взял?

— Так ведь его Иваном звали... Ванька Жуков.

— Жуковых Иванов, знаешь, сколько... — отец даже присвистнул. — Вот и ты Ваня Жуков.

— Я в честь деда. Знаю. А ведь нашего деда, сам рассказывал, из деревни мальчиком в Москву привезли и в учение отдали.

— Верно, было. — Алексей Иванович перестал есть и внимательно посмотрел на сына, а затем приблизил его к себе и тяжелой, крепкой рукой потрепал по круглой коротко остриженной голове.

— Изобретатель ты. Придумал же... Дед твой по столярной части был, а тут сапожники.

— Значит, не про него. А деда нашего тоже хозяин бил?

— Тогда почти все хозяева били. Считалось: больше бить — умней станет.

— Па-а-п, а дед наш грамотный был?

— Деда твоего чудо-мастером называли. Из него бы кто хочешь получился. Да образованием не вышел. Всего два класса имел.

— А ты?

— Что я? Я другое... Я при заводе в фабрику полный курс прошел. Да я ведь, брат, уже при советской власти вырос.

Алексей Иванович забрал газету и пошел в другую комнату. Там он лежал читал после обеда, а потом ненадолго засыпал. А на Ваню вдруг напало необычное состояние покоя. Он уселся у окна и, глядя, как покачивался за стеклом трос от антенны телевизора, а в доме напротив, рассвечивая сумерки, то там, то тут зажигались огни, стал думать...

Немного позже в комнату, где уже было задремал отец, осторожно приоткрылась дверь и просунулась круглая голова.

— Па-а-ап, спишь?

— Сплю. Чего тебе? Или опять по секрету от матери дневник подписать?

— Нет. Дневник у меня в порядке. Я спросить хотел!

— Ну что?

— Ты рубль мне можешь дать?

— На кино?

— Не, на метро. Помнишь, во дворе, где мы жили раньше, домишко деревянный стоял — окна ниже асфальта. А вдруг там эта самая хозяйская сапожная была? Я завтра съездил бы, узнал, может быть, кто-нибудь помнит про Ваньку...

— Э, придумал, — Алексей Иванович окончательно проснулся. — Спросить там, сынок, теперь про старое время некого. Домишко тот снесли, да и нашего не найдешь. На том месте большая улица проходит. Как-нибудь вместе съездим, посмотрим.

Ваня вздохнул и, помолчав, спросил:

— Пап, а мог писатель Чехов, потом, когда про того Ваньку узнал, заступиться за него?

— Мог, наверное. Почему нет. Человек он хороший был. Смотри-ка, Иван, один рассказ прочитал, а сколько вопросов. Ты бы побольше с книгой, а то лишь футбол во дворе да телевизор вечер полный.

Сын ничего не ответил, только вышел и старательно закрыл за собой дверь. Потом он взял тетрадь по рисованию и карандаш, отыскал на полу резинку и сел за стол. Иногда находила на Ваню Жукова страсть к рисованию. Все говорили, что у него есть способности: и учительница рисования, и Лина Петровна. Беда — находила эта страсть редко. Но уж когда находила, он предавался этому занятию самозабвенно. Долго чиркал карандашом, тер резинкой бумагу до дырок и при этом усиленно сопел носом. В такие минуты мать старалась ходить потише и, прикрыв двери на кухню, не греметь посудой. Когда он потом показывал ей рисунки, мать радовалась и говорила, что если он не будет лениться — обяза-

тельно отдаст его в художественную школу. И ему самому тогда казалось, что он уже больше никогда не будет ни лодырничать, ни озорничать. Но ведь кто не знает, как трудно сломать собственный характер!

Ваня подвинул поближе книгу Чехова, взялся за карандаш и засопел носом.

Когда на следующей неделе Лина Петровна начала в классе опрос, на четвертой парте с края выжидательно поднял руку Жуков.

— Что тебе, Ваня?

Жуков встал, покраснел так, будто только что явился с мороза и, держа в руках тетрадь по рисованию, пошел к столу учительницы.

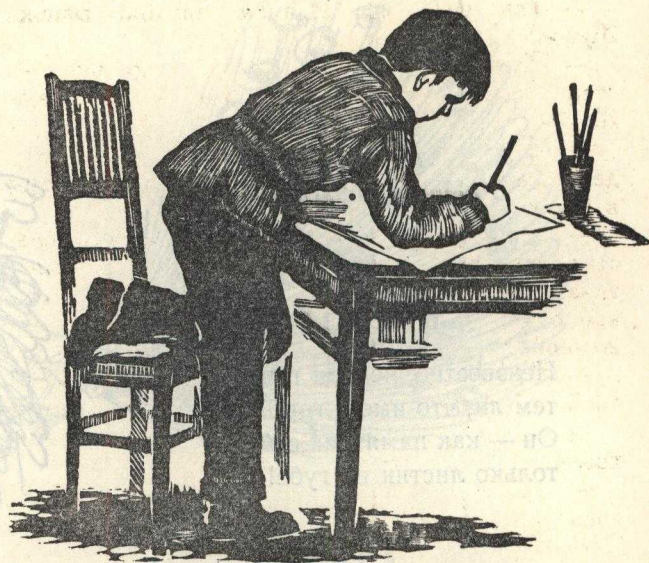
— Вот, — начал он, хлебнув воздуха, и раскрыл тетрадь. — Я вам на память нарисовал.

На листе в тетради был нарисован Ванька Жуков, который, сидя за столом, что-то писал на большом конверте. А напротив него в кресле сидел писатель Антон Павлович Чехов и, глядя на мальчика через пенсне со шнурочком, показывал пальцем на конверт.

Вверху было написано: «Ваня Жуков и А. П. Чехов». Лицо его Жуков срисовал с портрета в книге, но так похоже срисовал, что и Лина Петровна удивилась.

— Это он второе письмо дедушке пишет, — объяснил Жуков.

Лина Петровна улыбнулась и потрепала его по отрастающим волосам, как это делал дома отец. Затем она показала рисунок всему классу,

и всем, как и Жукову, очень захотелось думать, что так и было, — Антон Павлович потом нашел мальчика и объяснил ему, как надо писать адрес, потому что Чехов был добрый и хороший человек и жалел детей.

Лина Петровна велела подписаться под рисунком, и Жуков написал: «Ваня Жуков» и поставил номер школы и год. И никто в классе не смеялся.

А. П. Чехов

«...на Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью, которая нам и во сне не снилась... На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые и мечтательные. Я стоял и думал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

(«Остров Сахалин»)

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...»

(Записные книжки)

«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно наступает!.. Жизнь новая, широкая, просторная.»

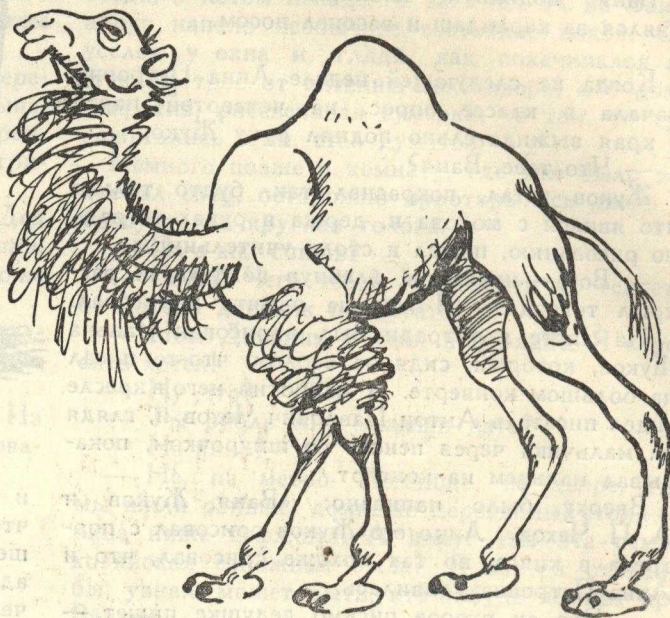
(«Невеста»)

Весёлый

Лев Мочалов
Рисунки Н. Муратова

ВЕРБЛЮД

Неизвестно, чем он горд, —
тем ли, что имеет горб?
Он — как памятник себе,
только листик на губе!

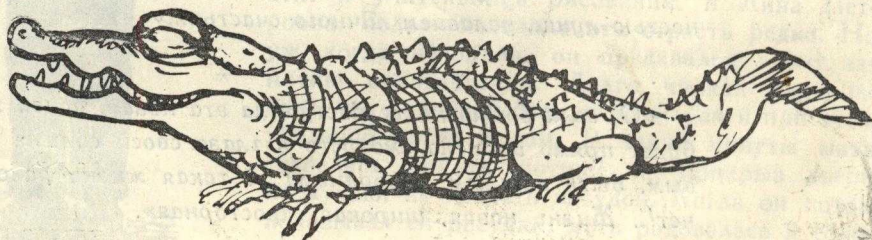
ОЛЕНИ

В зоопарке стало сухо
от лучей от вешних.
Ходит с мамой оленухой
маленький олешек.
Есть у Таниного папы
в кабинете вещалка.
Вот такая —
вместо шляпы —
будет у олешка!

КРОКОДИЛ

Сказал я:
«Крокодиля кожа
на отпечаток шин
похожа!»
На это сонный крокодил
внимания не обратил.
Ему, конечно, все равно:
хоть назови его
«бревно!»

ПАВЛИН

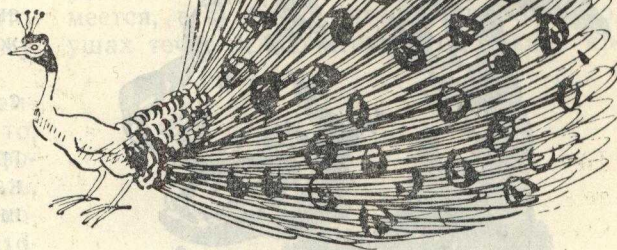
Свой хвост

он распустил, как веер,

Он в красоте своей уверен.

Представь павлина без хвоста —

и вся пропала красота!

ЗЕБРА

Зебра

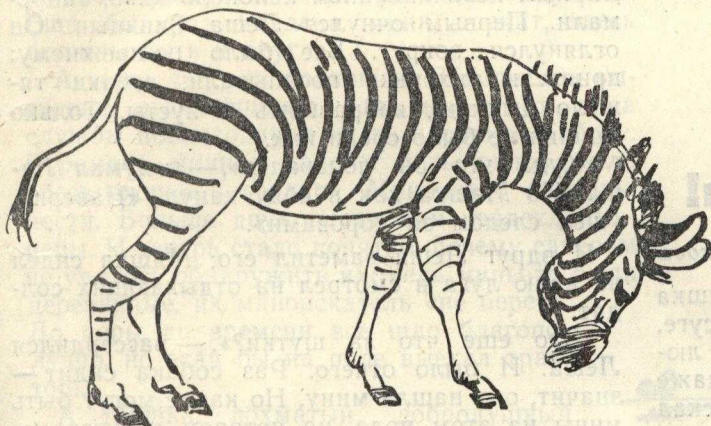
в обтяжку

надела

тельняшку.

Есть и на суше

флотские души!

ЛЕБЕДЬ

Ах, лебеди!

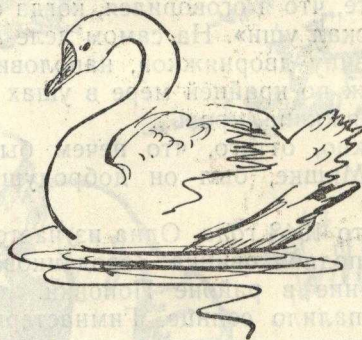
Важная птица!

Красив ты, конечно, вполне.

Но стоит ли этим хвалиться?

Ты двойку

напомнил мне!

БЕГЕМОТ

Бегемот вздыхает:

худо!

Тело —

глыба целая.

Тяжело съесть

три пуда,

ничего не делая!

Осторожно — мины!

М. Черкасский

Рисунки А. Овсянникова

Среди всех собак подразделения Мишка был самым беспородным. Даже на досуге, когда некоторые глубокомысленные псы любили вспоминать о своей родословной, даже в эти торжественные минуты Мишка опускал уши и безмятежно дремал.

Не думайте, что я оговорился, когда сказал, что он «опускал уши». На самом деле Мишка был наполовину дворняжкой, наполовину овчаркой. И уж по крайней мере в ушах у него текла дворняжнина кровь...

И, возможно, оттого, что нечем было похвастаться Мишке, был он добродушным и умным.

Стояло лето 1948 года. Одна из частей подразделения подполковника Заводчикова вела разминирование в районе Поповки.

Нешадно палило солнце. Гимнастерки покрылись темными мокрыми пятнами пота, по краям которых выступили белые каемки соли.

— Перерыв! — крикнул командир, и солдаты, воткнув шупы и скидывая на ходу гимнастерки, бросились в тень кустов. Но потом повылезали на солнышко и подставили ему белые спины.

Солнце припекало совсем не по-ленинградски. Сильно пахло нагретой землей и сомлевшей травой. Сочная, густая, украшенная розовыми кашками, она тянулась до горизонта.

— Вон кому благодать, — сказал Леша Си-

ницын, и все посмотрели на соседнее поле, где, лениво побрякивая колокольчиками, опутив головы, паслись коровы.

Собаки лежали в кружевной тени кустов и, высунув длинные розовые языки, часто поворачивали боками. Один только Мишка, лохматый, длинношерстый, бродил вокруг.

— Ага, к соседкам пошел знакомиться, — сказал Леша, заметив, что Мишка приближается к коровам.

— Это он молочка попить. Вон, видишь, с бидонами едут.

Действительно, по лугу ехала телега, нагруженная бидонами. На кочках телегу раскачивало, и молоко, бултыхаясь в бидонах, иной раз с силой выбивалось из-под крышек.

Телега скрылась, и солдаты, убаюкиваемые мирным позвякиванием колокольчиков, задремали. Первым очнулся Леша Синицын. Он оглянулся вокруг. Все было по-прежнему: приятели тихонько посапывали, собаки тяжело дышали, забравшись в кусты. Только Мишки не было среди них.

«Куда это он подевался», — подумал Леша. Но Мишка как в воду канул. «Наверно, ушел следом за коровами».

И вдруг Леша заметил его: Мишка сидел на краю луга и смотрел на отдыхающих солдат.

«Это еще что за шутки?», — рассердился Леша. И было отчего. Раз собака сидит — значит, она нашла мину. Но какие могут быть мины на этом поле, на котором пасутся коровы, ездят телеги и которое сдано по документации как абсолютно безопасное.

— Мишка! Мишка! Ко мне! — позвал Леша.

Но Мишка что-то такое пролаял на своем языке, повилял хвостом и... не двинулся с места.

— Что за черт! — выругался Леша. — Ко мне!

И опять Мишка ответил — мол, не могу — и не тронулся с места.

Проснулись солдаты и стали ворчать. Кто-то сказал:

— А может, там мины?

— Ну, еще бы, — иронически протянул Алексеев. — Десять мин. И все Мишку дожидались...

Тогда, не говоря лишнего слова, Леша встал и направился к собаке. Мишка, увидев его, завилял хвостом, «улыбнулся» и начал облизываться. «Ишь, леший, уже закуску предвкушает». Леша отозвал собаку и осторожно шупом начал пробовать землю. «Ага, что-то есть». Он обколот иглой шупа этот предмет.

«М-да, по форме похоже, что мина. Но, может, и камень».

Созвали консилиум — что делать? Решили осторожно снять верхний слой земли и посмотреть, что же так упорно высиживал Мишка. Чуткие руки у сапера. Нет, они не похожи на длинные пальцы скрипача-виртуоза или прославленного хирурга. Рука минера — мозолиста и шершава, но сапер знает, что ошибается он только один раз. Вот почему руки его так точны и вдохновенны.

Медленно, слой за слоем снимал Леша землю. И вскоре глазам саперов предстало то, что они искали — деревянный ящикчик противотанковой мины. Леша вытащил взрыватель, вздохнул, вытер со лба пот и взглянул на товарищей. И те, как по хрупкому льду, осторожно переступая, пошли за своими шупами. Еще бы, раз найдена мина, значит, здесь должны быть и другие.

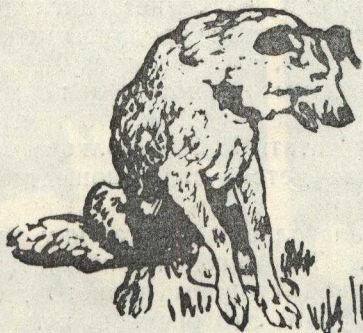
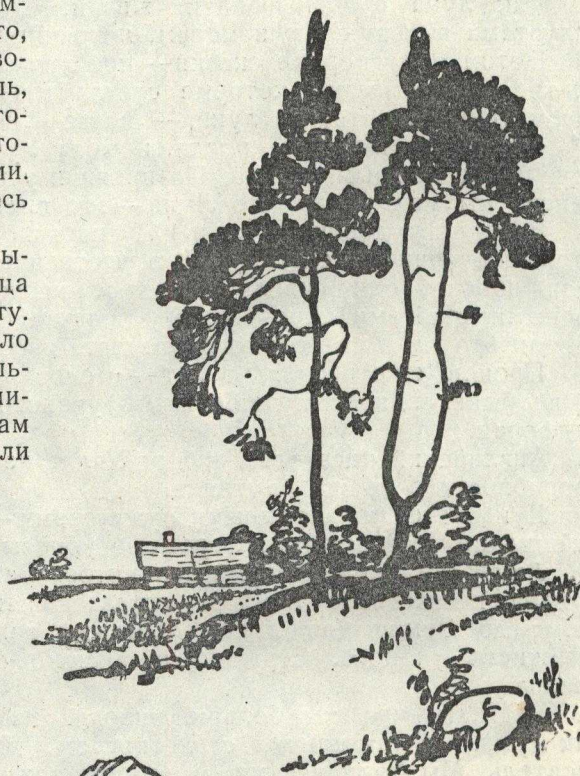
А через два дня полковник Заводчиков построил отличившихся вожатых и от лица службы поблагодарил их за хорошую работу. Огромное минное поле в пять рядов было обезврежено благодаря Мишкиной бдительности. Больше двух тысяч мин извлекли минеры. И теперь стало понятно, почему саперам не удалось обнаружить их: ведь мины-то были деревянные, их миноискатель «не берет». До поры до времени все шло благополучно, но если бы на поле выехал трактор...

А Мишка, лохматый, добродушный Мишка, и не подозревал, что сегодня он герой.

— Ах ты, дурачок, — ласково сказал

полковник. — Был бы ты человеком — повесил бы на твою грудь орден.

И он бросил Мишке кусочек мяса. А Мишка так ловко, профессионально щелкнул зубами, что никто, даже чистопородные псы, и не заметили, куда же девалось мясо. Щелкнул, облизнулся и пошевелил насторожившимися ушами: а не дадут ли еще? И теперь, разумеется, все видели, что в этих благородных ушах течет исключительно овчаркина кровь.

К ЛУНЕ!

В. Любичкая

Это было давно. Мы жили у моря. Каждое утро из-за гор всходило солнце. А вечером на черном небе появлялась луна. Мы никогда не интересовались солнцем: днем было много всяких дел. Но когда вечером из-за туч пробивалась, наконец, луна, мы забрасывали взрослых вопросами: „Для чего она? Из чего сделана? Почему движется?“

А потом усаживались где-нибудь на берегу и долго следили за лунной дорожкой, которая от самой середины моря тянулась к нашим ногам.

Так луна вошла в наши жизни. С красотой южной ночи, безмолвными силуэтами высоких гор и морем, искрящимся нежным холодным светом.

Потом были первые сказки — про луну, которой портной никак не мог сшить платье, про башмаки, которые сушил месяц. Конечно, как все дети Земли, мы рассматривали пятна на луне, — „глаза“ „нос“, „рот“.

Но время шло, мы росли, и хотя луна оставалась такой же, для нас она менялась с каждым годом. По-прежнему в ясные вечера мы смотрели на небо. Теперь мы уже знали, что Луна — это планета, что пятна — это моря и горы.

Выстрел чудовищной силы! И снаряд с отважными людьми летит по направлению к ночному светилу. Путешественники не попали на Луну. Но они облетели вокруг, они видели холодное небесное тело, с кратерами и высокими горными хребтами. Они — герои романов „Из пушки на Луну“ и „Вокруг Луны“ — видели это глазами великого фантаста и большого ученого Жюль Верна.

Прошло еще несколько лет — и снова прочитана книга о Луне, на этот раз о необыкновенном путешествии ученого Кейвора и искателя приключений Бедфорда.

Английский писатель Герберт Уэллс не поскупился на самые фантастические подробности о нашем спутнике.

Луна населена странными существами — селенитами. Внутри планеты глубочайшие полости-пещеры. Огромные коровы пасутся по лунным долинам.

Люди стали пленниками селенитов. Бедфорду удалось вернуться на землю. Судьба несчастного Кейвора осталась неизвестной. И хотя спустя некоторое время до Земли дошел его одинокий голос, никто так и не узнал секретов отважного ученого. Страшно и угрюмо окончилось это путешествие в книге Уэллса.

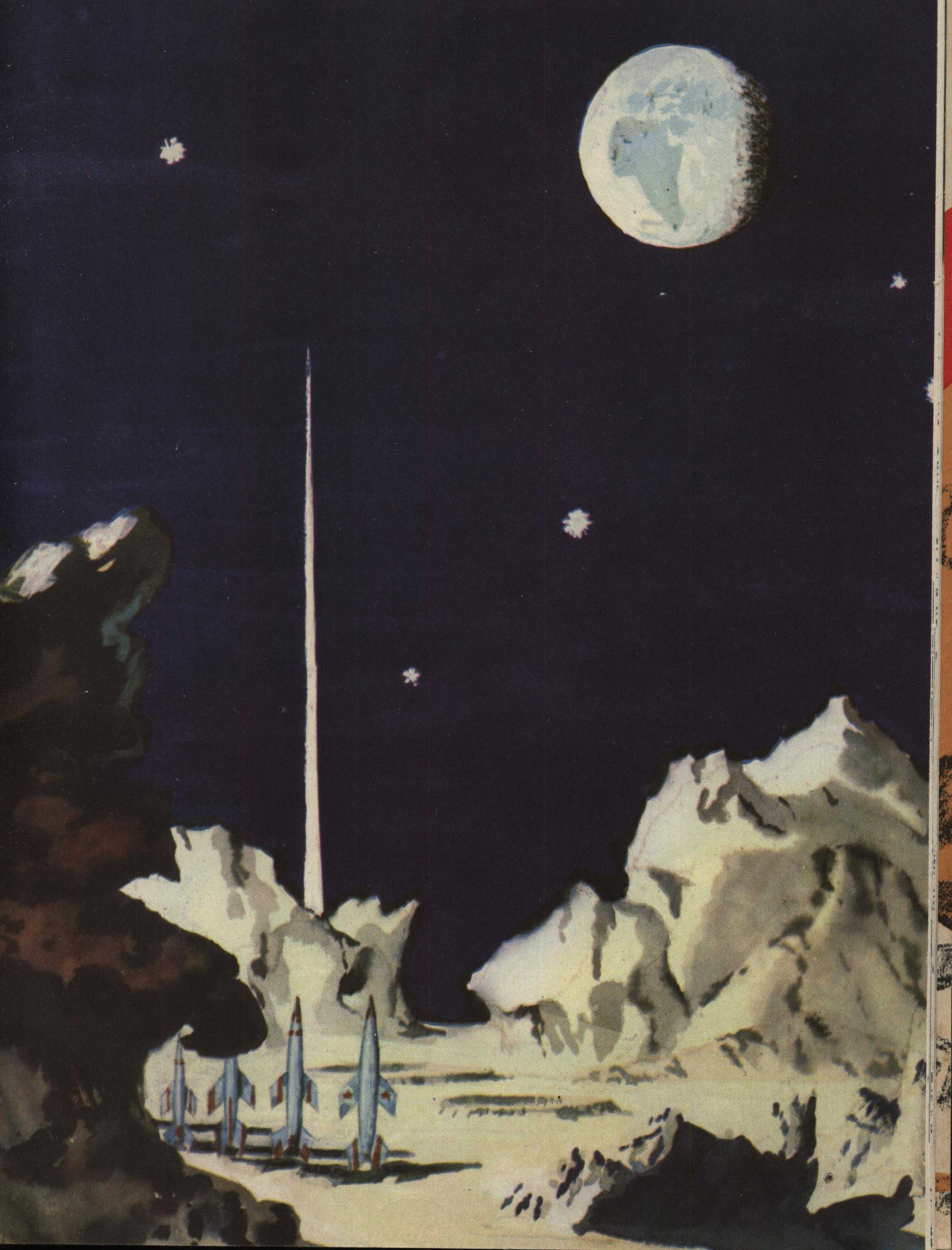
„Я знаю, что мы больше никогда не получим нового послания с Луны“. Так думал и так кончил свою повесть „Первые люди на Луне“ английский писатель. Мы были детьми, мы соглашались с селенитами, с уродливыми коровами и отрядами лунных мясников. Мы, не оглядываясь, следовали за Уэллсом, за его героями. Но последним словам в его книге мы не хотели и не могли верить. Нет, наши соотечественники — писатели, ученые — говорили о том, что человечество обязательно завоеует космос. Мы стали читать К. Э. Циолковского — „Грезы о Земле и небе“. Эта уже была наука. Для детей, для юношества, но наука без всяких скидок.

События наших дней давно переросли самую талантливую фантастику прошлого. Вымпел нашей Родины находится на Луне. Ты, сегодняшний читатель „Костра“, в своих руках держал фотографию обратной стороны лунного диска.

Посмотри на вклейку. Лунная станция. Ракетодром. Это рисунок, пока еще рисунок! Но когда-нибудь и, может быть, скоро — на страницах нашего журнала появится фотография. Возможно, она будет очень похожа на сегодняшний рисунок художника. Но рядом с прилунившейся ракетой будут стоять люди, настоящие земные жители с земными именами и фамилиями. Может быть, среди них будешь ты.

Луна! Она ждет тебя. Готовься к удивительному путешествию.

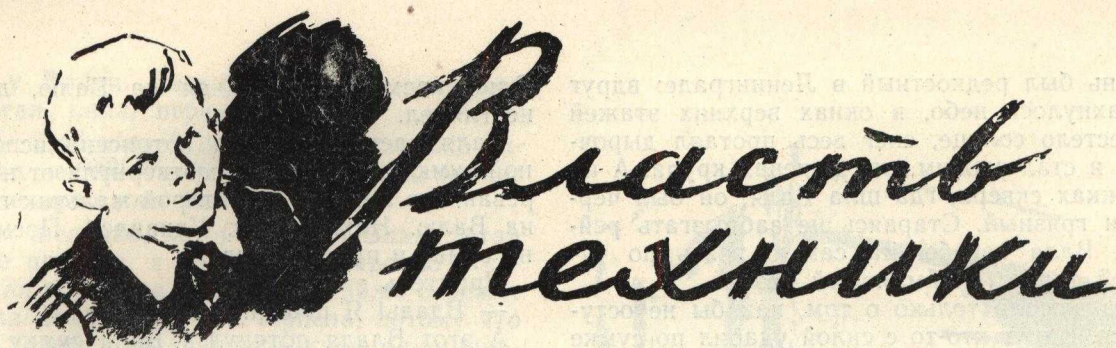
На вклейке рисунок А. Скалозубова

Устроился

Фото А. Ритова

М. Данин

Рисунки Н. Кустова

Бывает у человека горе, и никому о нем не расскажешь. Маме нельзя, — она может пойти в школу и сказать там что-нибудь неловкое. Еще пожалуется директору. «Я прошу оградить мою дочь...» А потом Нина Ивановна будет с улыбкой поглядывать на Валью или вдруг невзначай спросит при всех:

— Кем твоя мама работает, Тихонова? Ах, она не работает...

В школе Валью зовут тихоней, — не потому, что Валя уж очень тихонькая, а просто принято прозвище образовывать от фамилии. Валя всегда наглаженная, опрятная, с нейлоновыми бантиками в косах. И завтрак ей мама кладет в специальный хлорвиниловый мешочек. Чистюля, а не тихоня. Если девочки дразнятся «фифочкой», Валя умеет им ответить, но вот с мальчишками дело хуже.

В книжках часто пишут про девочек смелых и задиристых, только как этому поверишь, если есть на свете Вовка Мальвинский.

Он пришел в их класс недавно.

Когда Мальвинский первый раз появился в дверях, большой, мордастый, Валя даже смотреть на него не стала. Таким он показался противным. А Вовка будто почуял Валину неприязнь и, проходя мимо ее парты, ткнул Валью пальцем. Ткнул не больно, но так внезапно, что Валя вскрикнула даже. Вовка обернулся и довольно скривил толстые губы.

С тех пор все и началось. В коридорах Вовка вечно задирает девочек. Бить не бил, а пугал. Подходил вплотную и начинал махать руками вверх-вниз, вверх-вниз. А девочки каждый раз пугались и дергались.

Сидел Вовка на последней парте один, разваляясь и развесив руки. Иногда сидеть без дела ему надоедало, и он начинал жевать бумагу, засовывать ее в пустую трубочку от вставочки и стрелять в ребят.

Когда такая жвачка попадала в Валью, она вся сжималась от отвращения.

Вовка, конечно, раздражал учителей, и они старались его воспитать. Среди разнообразных способов исправления нашелся один на

Валино горе: Вовку посадили к ней. «Чтобы Тихонова на него влияла».

Вовка рухнул на место всей своей тяжестью, бросил портфель и сказал громко:

— Пусты, ты! Мне места много надо...

Валя съезжилась, отодвинулась на самый край, и все равно новый сосед теснил ее. Чего он только не делал! Толкался, разводил потоки чернил по всей парте и сгонял их перышком на Валину сторону, или сажал ей на чистую страницу рой мелких клякс.

Валя, привыкшая дома к чистоте, ненавидела все эти Вовкины пакости, его толстое лицо, руки, белые с грязными ногтями.

Эти руки каждую минуту могли прийти в движение: толкнуть, пнуть под локоть, когда Валя старательно выводила буквы. Даже если Вовка хотел что-то просто спросить, он ударял Валью тыльной стороной ладони и говорил:

— Ты, слушь...

И если Валя, доведенная до отчаяния, тянула руку, чтобы пожаловаться, Вовка выпячивал челюсть, прикрывал глаза и цедил сквозь зубы:

— Только наябедай, попробуй. В-во, выйдешь на улицу! — И покачивал своим кулаком.

Встретить Вовку на улице Валя боялась больше всего.

И это случилось.

В последний день занятий перед каникулами Валя прибежала домой веселая, возбужденная.

— Боты, боты оботри! За хлебом сбегай, не раздевайся, — сказала ей мама.

Валя вытерла боты и поскакала в кухню, а мама закричала вдогонку:

— Только не смей брать мою новую сумку...

Валя сделала гримасу и все-таки взяла сумку — желтую, на шелковой подкладке. С такой сумкой можно и в гости идти, а не только на базар. Мама очень берегла ее и брала только тогда, когда надевала новые желтые туфли.

День был редкостный в Ленинграде: вдруг распахнулось небо, в окнах верхних этажей заблестело солнце, снег весь протаял дырочками и стал рыжим, как ячневая крупа. А на дорожках сквера, где шла Валя, он был черный и грязный. Стараясь не забрызгать рейтузы, Валя перебежала самую грязь по чугунной трубе, окаймлявшей газон.

Она думала только о том, как бы не оступиться. Вдруг кто-то с силой ударил по сумке и вышиб ее из рук. Сумка шлепнулась в грязь, — брызги разлетелись в разные стороны. Валя нагнулась, но сумку кто-то пнул ногой, и она отлетела к газону.

Это был Вовка.

Валя стояла на месте, а он с гиканьем гонял новую сумку по грязи. И вдруг сумка застряла под решеткой. Валя кинулась к ней, но Вовка подставил ногу, и Валя плюхнулась в грязь... Вовка еще раз пихнул поднимающуюся было Валию, потом сказал: «Марало!» — и ушел.

Валя с трудом вытащила сумку. Бока сумки были поцарапаны, замазаны, заляпаны грязью. Валя смотрела на нее и редела, не закрывая лица.

— Вот ревет! — сказал кто-то.

Валя оглянулась. Два мальчика шли по тротуару.

Один насмешливо глядел на Валию, другой не глядел.

Валя настолько была потрясена испорченной сумкой, что даже не отвернула от них за реванного лица. А тут второй мальчик глянул на Валию. Нахмурился. Удивился. Посмотрел на сумку и присвистнул.

Приятель его сказал:

— Влады! Я пошел. — И убежал.

А этот Владя потянул у Вали сумку и покачал головой.

— Здрово!..

— Я и домой не знаю как идти, — всхлинула Валя.

— Пошли ко мне, — вдруг предложил Владя. — Ее можно закрасить. Очень просто. У меня есть ацетон.

Все равно надо было что-то делать с сумкой. И Валя пошла.

Они пришли на шестой этаж, в комнату, где было тепло от солнца.

И странная была эта комната! В одном углу диван, в другом стол, — стол не стол, верстак не верстак, что-то заваленное какими-то деталями, инструментами, лампами, заставленное бутылками и банками. А над верстаком ступеньками спускались самодельные глубокие полки с журналами. А на двух подставочках лежит длинная блестящая рейка с лапами и шнурами. Валя хотела потрогать ее, но Владя вдруг вытянул устрашающе губы:

— У-у-у, нельзя! Это сверхмощная антенна для телевизора.

Он зажег лампу на двигающейся ножке, собранной из деталей конструктора, откупорил бутылку. Лицо его стало отрешенным, губы насупились, руки быстро двигались по Валиной сумке. Запахло едко, сладко, как в парикмахерской.

Владя приговаривал:

— Ацетон растворяет краску. Этого хватит, чтобы закрыть потертые места; видишь, сохнет мгновенно. Такое уж свойство ацетона.

...С тех пор Валя стала часто бывать на шестом

этаже у Володи. Влада всегда что-то пилил и строгал, паял, перематывал...

За несколько дней Валя узнала столько интересных вещей, что раньше и за год, может быть, не пришлось бы.

Запах шеллака, которым паял Влада, стал для нее приятен, а ацетон она нарочно откупоривала и нюхала, как духи, и даже скрежет рапины по металлу она терпела, потому что Влада доверял ей зачищать края алюминиевых пластинок.

— Знаешь ли ты, что можно сделать из простой поварешки? Обычной алюминиевой поварешки? Не знаешь? А из нее свободно получается лампа-вспышка для фотоаппарата. Только надо купить батарею, лампу и кусочек плексигласа. Вот тебе и вспышка! Жаль, денег нет на лампу, — он почесал голову, — а то бы запросто!

Было счастливое время весенних каникул, и Валя ходила с Владей по его делам, часами просиживала во Дворце пионеров, в кружке радиолюбителей. Валю с середины года в кружок не принимали, разрешили только смотреть.

И все-таки она все время боялась встретить Вовку.

И это, конечно, опять случилось.

Валя с Владей несли знаменитую сверхмощную антенну. Тащить эту великолепную блестящую трубку, тщательно опутанную цветными проводами, было неудобно, и все прохожие обращали на них внимание. Наконец благополучно добрались до дома, и Влада сказал:

— Открой и держи дверь!

Валя пошла открывать, и тут...

На пороге стоял Вовка.

Валя оцепенела. Вдохнула и никак не могла выдохнуть воздух. Она вмиг представила себе, как Вовка сейчас выбьет из Владиных рук антенну, разобьет драгоценные лампы.

А Влада ничего не замечал, он весь был поглощен своей антенной. Одной рукой он придерживал дверь, другой отводил конец антенны и поглядывал на косяк.

— Двери держи! — нетерпеливо повторил он.

И в этот миг произошло что-то странное. Вовка, мерзкий Вовка, придерживал рукой дверь. Он не смотрел на Валю. Он тоже как зачарованный следил за антенной. Он будто хотел ее потрогать и не решался. Влада уже поднимался по ступенькам, а Вовка все еще не отпускал дверную ручку.

И Валя прошла в дверь, придерживаемую Вовкой.

Рассказы о вежливости

В. Жельвис

Рисунки Н. Зверева

...Та-ра-рам-рам-рам! — громко запели трубы у ворот старинного замка знаменитого во всей Испании рыцаря Фьерабраса Кастильского. «Трюх-трюх-трюх!» — гости один за другим въехали во двор.

Закачались перья на шлемах рыцарей, заскрежетали доспехи, завизжала собака, которой спешившийся гость наступил на лапу своей обутой в железо, вроде самоварной трубы, ногой.

— О несравненный, мудрый и славный рыцарь Флорипес Мантильский! — воскликнул хозяин. — Как я счастлив, что могу наконец лицезреть такого удивительного, поразительного и восхитительного героя в своем замке!

— О славнейший, знатнейший и мудрейший рыцарь Фьерабрас Кастильский! — отвечивал гость. — О звезда Испании, о светоч рыцарства, о гордость Кастилии! Какая честь для меня быть приглашенным в твой замок!

— О удивляющий, поражающий, изумляющий, ошеломляющий, восхищающий, впечатляющий и потрясающий рыцарь Флорипес Ман...

— Дорогу донье Инезилье, — раздался у дверей звонкий голос паж, и в зал вошла окруженная многочисленными служанками хозяйка дома. Как один человек, рыцари поднялись с мест и учтиво приветствовали ее глубокими поклонами.

Воцарилось торжественное молчание. По данному хозяином знаку известный странствующий музыкант и певец заиграл на лютне и запел так нежно и выразительно, что рыцари перестали жевать... Да разве можно было думать о еде, когда в зале раздавалась такая прелестная музыка!

В это время, когда слуга пробежал мимо места, где сидел хозяин дома, из-под скамьи выскочил голодный пес и цапнул бедного слугу за лодыжку. Взвизгнув от неожиданности, слуга чуть-чуть толкнул дону Фьерабраса. Дон Фьерабрас не договорил комплимента дону Флорипесу и вскочил на ноги.

— Ах ты, собака, — заорал он таким голосом, что перепуганный музыкант выронил лютню, а у всех без исключения гостей стало стрелять в ухе. — Ах ты, скотина, негодяй, прохвост, дубина, ах ты, мужицкая морда!

И он запустил в слугу огромной обглоданной костью, которую схватил с блюда нежной доньи Инезилье...

Что случилось дальше, я не успел узнать, потому что в этот момент книга, с которой я улегся на диван, со стуком упала на пол, и я проснулся. Посмотрел на часы, — батюшки, я же в театр опаздываю! Наскоро одеваюсь, выбегаю на улицу, вскакиваю в трамвай. Только отдышался, вижу: сидит у окна мой приятель — ученик из нашей квартиры Саша Куколкин — и этак свысока на всех поглядывает: вот, дескать, стойте, а я сижу, так вам и надо, в следующий раз будете раньше в трамвай входить... Но не проехали мы и двух остановок, как Сашино лицо изменилось, он резко приподнялся и тоненьким голоском сказал:

— Александра Степановна, садись...

Но тут рот его вдруг захлопнулся. Саша снова ока-

зался на своем месте, и лицо его вновь прояснилось: он разглядел, что эта женщина совсем ему незнакома.

Эх, жить бы Саше во времена рыцарей! Он, наверно, разговаривал бы с теми, кто ему нужен, примерно так:

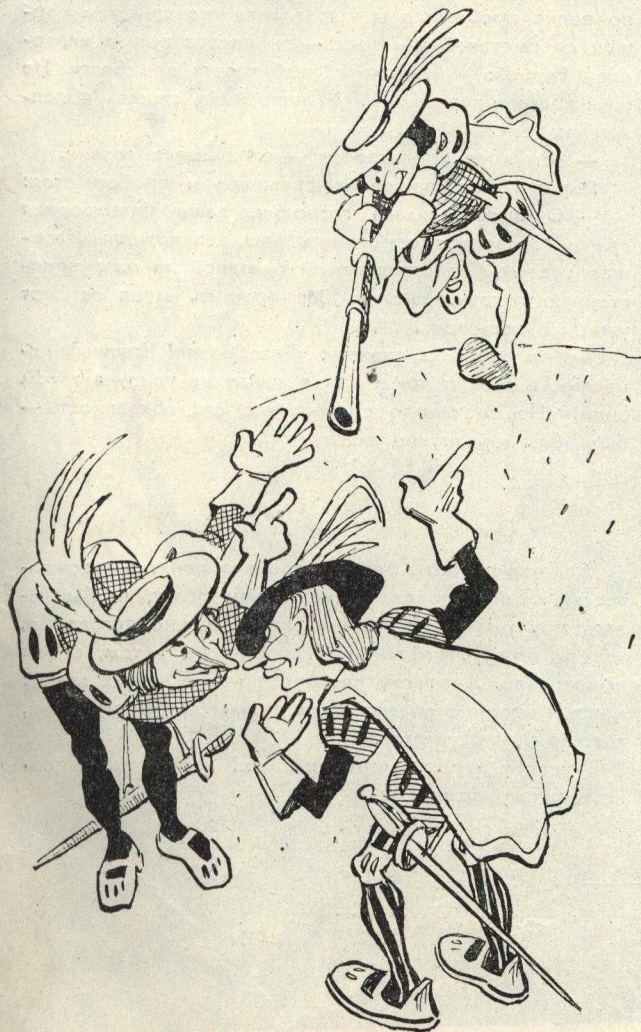
— О многознающий, доблестный, всегда внимательный на уроках дон Петя Кузьмин! Окажи мне великую честь и извести меня, что задали нам к следующему разу, ибо я проболтал весь урок с рыцарем Васей Колышкиным и не слышал, что говорила благородная донья Инезилья Степановна!..

А попроси его, скажем, младший братишка объяснить трудную задачу, он бы рассердился:

— Что?! Объяснять? Тебе? Да как ты, невежественный вассал, смеешь приставать ко мне, знаменитому и непобедимому рыцарю Саше Куколкину с такими пустяками?! Вот как дам, тогда будешь знать!..

* * *

Случилось это давным-давно. Два графа — тогда еще были королевства, герцогства, графства — рассердились на третьего и решили его наказать: ну хотя

бы для начала разрушить его замок, перевешать всех его родственников, разорить его деревни, сжечь посевы и разогнать крестьян. Собрали оба графа большие войска, вооружили их, как могли, и пошли войной на третьего. Шли, шли, и вдруг однажды утром в пред-рассветном тумане перед ними замаячили передние ряды их врага — графа номер три...

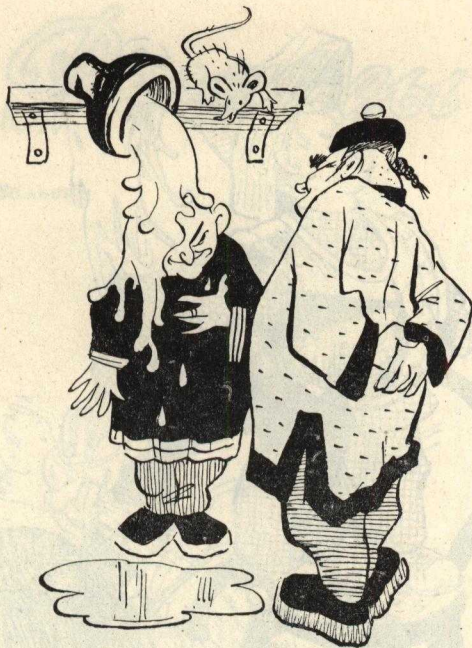
Оба первые графа ужасно растерялись: как так — думали застать врасплох, а тут вот вам. Но отступить было поздно. Хочешь не хочешь — надо воевать. Но кому же первому начинать? И вот тут оба графа, никогда до сих пор не отличавшиеся особой вежливостью, стали вдруг на себя непохожи: каждый из кожи вон лез, чтобы уступить другому право первым начать бой.

— Ваше сиятельство, — говорил граф номер один. — Вы первый этот поход предложили, вам и начинать.

— Нет, ваше сиятельство, — отвечал граф номер два, — ваше войско больше моего, да и графство больше чем мое на два гектара. Поэтому вы начинайте, а я уж за вами.

— Я не смею, ваше сиятельство, идти раньше вас, — говорил первый. — Пусть вам принадлежит честь этой победы.

— Я охотно уступлю вам эту честь, ваше сиятельство, — возражал ему второй. — Прошу вас выступать первым.

Спорили они так, спорили, пока графу номер три не надоело ждать. Он дал команду своему войску, в сторону врага были направлены заряженные мушкеты и аркебузы и — трах! Граф номер один и добрая половина его войска приказали долго жить. Трах — и от войска графа номер два и его самого остались рожки да ножки... И спорить стало не о чем.

Я вспомнил эту историю, когда прошлой весной зашел в одну школу, в пионерскую комнату. Зашел, и показалось мне, что я попал на то самое поле, где стояли войска двух не в меру учтивых графов. Но только это были никакие не войска, а всего навсего ребята из двух параллельных пятых классов. Сидят эти ребята друг против друга и изо всех сил выдумывают повод переложить работу на другие плечи:

— Вы ведь первые предложили огород вскапывать, вот вы и начинайте, — говорит мальчик из пятого «а» таким сладким голосом, что в эту минуту он свободно мог бы пить чай без сахара.

— А вы первые об этом стали говорить по всей школе? Первые, — еще более сладким голосом отвечает ему мальчик из пятого «б». — А теперь будьте первыми и в самом деле. Зачем же нам лишать вас ваших прав?

Спорили они так день, спорили другой. Вместо овощей-гигантов на грядках выросли сорняки, потом пожелтели, дали семена, а ребята все уговаривают друг друга начать работу...

Недавно я спросил одного знакомого ученика (между прочим, неплохого), почему он не выучил урок. И знаете, что он мне ответил:

— Ко мне пришел приятель, — говорит, — и я с ним провел весь вечер. Не мог же я его выгнать, это было бы невежливо.

Значит, он весь вечер занимал товарища, делал вид, что ему с ним интересно, а сам все время думал: «Когда ты, наконец, уйдешь? Ведь нет у меня времени с тобой возиться!» Но я уверен, что когда этот приятель собрался уходить, мой знакомый, как всякий «вежливый» хозяин, удерживал его:

— Куда же ты так рано, посиди еще!

Это происшествие очень похоже на то, что случилось в дореволюционном Китае с чиновником, который однажды зашел на дом к другому чиновнику по какому-то делу.

— Подождите вон там, — сказали ему. — Хозяин сейчас освободится.

Чиновник сел под какую-то полку и стал ждать. Ждет, ждет — никто к нему не выходит. Тихо. Вдруг по полке пробежала крыса, задела стоящий там горшок со сметаной и — трах! — он падает прямо на голову бедного чиновника и разбивается вдребезги. На шум вбегает хозяин и видит чиновника, сплошь облепленного сметаной.

— Что здесь происходит? — спрашивает хозяин.

Перепуганный чиновник съехал и пробормотал:

— О высокочтимый господин, ваша благородная крыса соизволила опрокинуть ваш великолепный горшок с вашей неподражаемой сметаной на мою недостойную голову. Умоляю Вас простить меня за этот ужасный поступок...

Ему так хотелось сказать: «Безобразие! Крупный чиновник, а развел крыс! Как я выйду на улицу в таком виде?» Но он твердо помнил, что его обязанность — быть безукоризненно вежливым...

Да, так-то вот. Не простое это понятие — вежливость! Иной человек из кожи вон лезет, чтобы казаться учтивым, но только легко можно догадаться, что он больше заботится о себе, а не о том, с кем имеет дело. А другой как будто и без всяких задних мыслей честно старается быть внимательным и чутким, а тоже не получается.

А как у вас, дорогие читатели? Всегда ли вы настоящему вежливы?

ПОБЕДИТЕЛИ ЗВУКА

Фото Г. Макарова

Георгий Мосолов вдвое обогнал звук. Это произошло осенью минувшего года. Скорость, достигнутая советским пилотом, была не то что рекордной — фантастической: две тысячи пятьсот четыре километра в час!

На такой скорости можно летать только в верхних слоях атмосферы, в фиолетовом сумраке, где почти нет воздуха и почти космический холод. Неспроста на пилоте — специальная, плотно прилегающая к телу одежда, герметический шлем с кислородным прибором.

Примерно так будут выглядеть наши астронавты, капитаны ракетных кораблей.

А сынишка Мосолова, тоже Георгий, носит короткие штанишки на лямках.

Ему четыре года, но он отлично разбирается во всех фигурах высшего пилотажа, которые чертит в небе его отец. Однако летчиком пока что быть не согласен. Ему больше нравится профессия музыканта-дирижера.

Что ж, если его решение не изменится, — дело хорошее. Мосолов-старший обгоняет звуковые волны; Мосолов-младший будет ими командовать!

Тыква В СУНДУКЕ

Виктор Голышкин

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я ее сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке. Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. «На выставку, — говорят, — ее надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы».

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с нее не спускал.

— Смотри, как выросла! — кричал маме. — Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось: как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не может.

Я все мечтал о выставке. Как повезу я свою тыкву на выставку. Скажу: «Вот я вырастил в сундуке тыкву». Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас еще не было. Давайте сюда вашу тыкву». Положат ее на полочку, прибьют рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», — потому что она в сундуке росла. А рядом мою фамилию. Потому что я ее вырастил.

Я все рассуждал о тыкве. Все поливал ее. И все спрашивал папу и маму, правильно ли я рашу тыкву.

Рисунок автора

Зато папа не мог о тыкве слушать. «Надоела мне, — говорит, — ваша тыква. Она меня просто с ума сведет. Все время только о ней разговоры. Хотя бы она сгнила. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать. А ко мне лезут с тыквой. Я прошу оставить меня в покое!»

Папа шел в свою комнату и запирался на ключ.

А я просто не знал, что мне делать.

Со всеми я говорил о тыкве.

Засыпал с мыслями о тыкве.

Просыпался с мыслями о тыкве.

Снились мне сундуки и тыквы.

Решил все сосед Вовка.

— Что это? — спросил он, — тыква?

— Конечно, — сказал я, — а ты что думал?

— Я думал, — сказал он, — это орех.

— Какой орех?! — возмутился я.

— Какая же это тыква?

Он привел меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

— Сами вырастили, — сказал Вовка.

Я сказал:

— Но моя в сундуке росла...

— А зачем ты ее в сундуке растишь? Приходи к нам, помогать нам будешь!

Б. Сергеев, кандидат биологических наук

Рисунки Б. Стародубцев

«...В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Берендей. Был у царя сад великолепный, росла в саду яблоня с золотыми яблоками. Стала жар-птица царский сад посещать, золотые яблоки воровать...»

Царь выдуманный и сад выдуманный. А жар-птица есть. Изредка, но встречается.

Сначала — о ее братьях.

Глубоководный моллюск в момент опасности выпускает световое облачко-завесу.

Бактериальные лампы — светящиеся бактерии в прозрачных сосудах с морской водой — освещали в 1955 году Актный зал Парижского океанографического института.

В Австралии, Бразилии, на Филиппинских островах растут грибы, которые используют как карманные фонарики.

Японские офицеры во

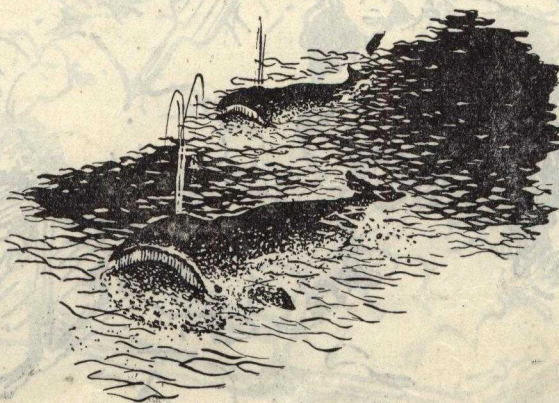
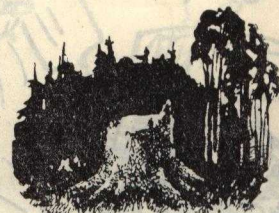
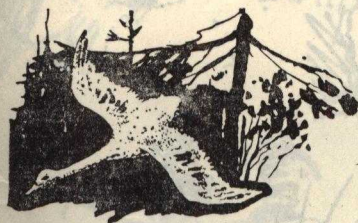
время второй мировой войны брали с собой в ночную разведку горсть особых рачков. Сбрызнуть таких рачков водой — и читай карту, пиши донесение.

Да зачем далеко ходить — видел, как жарким летним вечером светятся в лесу «гнилшники» — старые гнилые пни? Червячков-светлячков ловил когда-нибудь на опушке?

Там и здесь — источник свечения один: люциферин. Вещество, которое вырабатывается в организме и светится, соединяясь с воздухом.

Птицы не вырабатывают люциферина. Но иногда на их оперении селятся светящиеся микробы. Обыкновенная утка, гусь, филин становятся необыкновенными. Пугают незнаехотников, вспархивая внезапно из темных кустов.

И тогда оживает сказка про жар-птицу.

СИНИЦА КРЕПОСТЬ

Рисунок В. Шевченко

Эта старинная игра учит быстро бегать, метко и сильно бросать снежки, одолевать товарища в борьбе, быть смекалистым и ловким. Начинается игра с постройки крепости.

Лучше всего строить крепость в углу школьного двора или в любом месте, где сходятся две глухие стены.

Составьте план крепости. Определите, как расположить стены, где будет башня, а где лаз (вход).

Из больших снежных комьев сложите фундамент. Стены сделайте крутыми и с вечера несколько раз полейте водой. Особенно гладко заледените башню, чтобы труднее было добраться до флажка.

Нужен судья игры. Им будет ваш вожатый.

Одно звено защищает крепость. Два других осаждают.

Защитники и осаждающие выбирают начальника.

Как только защитники крепости займут свои места и поднимут на башне флажок, начинается осада.

Крепость стойко защищается. Прочные стены и меткие снежки сдерживают осаждающих. ТОТ, В КОГО ПОПАЛ СНЕЖОК, ВЫХОДИТ ИЗ ИГРЫ. Попадание считается только в корпус, — а не в голову, руку или ногу. Можно сталкивать нападающих с крепостных стен. Но кулаки в ход не пускать. КУЛАК — ОРУЖИЕ ЗАПРЕЩЕННОЕ.

ЕСЛИ ТРИ ЧЕТВЕРТИ НАПАДАЮЩИХ ВЫБЫЛИ ИЗ СТРОЯ — ПОБЕДА ЗАЩИТНИКОВ КРЕПОСТИ.

Осаждающие тоже не зевают. Отвагой и хитростью они стремятся опрокинуть знамя. Они прячутся за пе-

едвижными щитами, тащат за собой санки с запасами снежков, подкатывают к стенам крепости тараны-лопаты.

ЕСЛИ ОСАЖДАЮЩИЕ ДОБРА-
ТИСЬ ДО ФЛАЖКА И ОПРО-
КИНУЛИ ЕГО — ПОБЕДА ОСА-
ЖДАЮЩИХ.

Вот и все главные правила. При-
бавьте к ним свои. Только нужно,
чтобы все играющие были с ними
согласны.

РАЗ НАВСЕГДА ЗАПРЕЩАЕТСЯ
ИСПОЛЬЗОВАТЬ В ИГРЕ ПАЛКИ
И КРЕПКИЕ СНЕЖКИ-ЛЕДЫШ-
КИ, КТО ЗА НИХ ВОЗЬМЕТСЯ, —
ВОН ИЗ ИГРЫ!

Если строить крепость дружно, а
потом играть честно, то игра полу-
чится очень хорошая.

*Почетный председа-
тель клуба — Дей-
ствительный член
Академии наук СССР,
инженер-вице-адми-
рал Ю.А. Шиманский*

КАЮТ-КОМПАНИЯ. — Юные моряки города Нарвы побе-
дили в конкурсе «Костра». — **У НАС НА ПОЛУБАКЕ.** —
Задача Славы Ворошилова. — Не перевернуть ли воз? — За-
дача-шутка. — Анаграммы. — Ребус-припев. — Море похоже
на тигра. Стихотворение Миши Безверхнего. — **МОРСКАЯ**
МАСТЕРСКАЯ. — Зимний велосипед.

— Вызываем Нарву, Клуб юных
моряков.
— Нарва слушает.
— Говорит корреспондент морско-
го клуба «Костра». Кто у аппарата?
— Капитан клуба, штурман даль-
него плавания Николай Александро-
вич Калядин,

— Поздравляем, товарищ капитан.
Ваш клуб победил в конкурсе
«Костра». Ждем вас к себе, в кают-
компанию.

— Спасибо. А поместимся мы у
вас? Все-таки сто пятьдесят два чело-
века...

— Да, многовато. Что же делать?

— Пусть едет боцманский совет.
Он у нас в клубе всем заправляет,
и ребята в нем самые заслуженные.
Не смотрите, что они — шестикласс-
ники. Дело знают.

— Приезжайте.

— Есть

ШЕСТНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ, ЗАДАННЫХ В КАЮТ-КОМПАНИИ,

ШЕСТНАДЦАТЬ ОТВЕТОВ И ОДНО ПОЖЕЛАНИЕ В ДВУХ СЛОВАХ

ВОПРОС: Как наша кают-компания? Нравится?

БОЦМАН СИЛИКАЕВ: Нравится... У нас тоже есть кают-компания.

ВОПРОС: Хорошая?

БОЦМАН СИЛИКАЕВ: Ничего. Там у нас модели судов, портреты

ВОПРОС: Давно работает клуб?

БОЦМАН ГЕРИНГ: Три года. В первый год ничего не умели. Потом капитан взял нас в поход на рыболовном тральщике. Покачало нас тогда! А лов был неудачный, — тюлени попали в сеть и все порвали.

БОЦМАН АИНО ВАНГАНЕН: Валя Орехов. Он пишет сто пятьдесят знаков в минуту. А норма — тридцать.

ВОПРОС: Только Орехов так хорошо пишет?

БОЦМАН АФАНАСЬЕВ: Все стараются. Вон Валя Проскурин до того старался, что за борт свалился. Очень увлекся семафором.

ВОПРОС: Кто по канату хорошо лазает?

БОЦМАН КУЛЬП: Это уж Наталья Кухаренок. Любого мальчишку за пояс заткнет.

ВОПРОС: А кто плавает лучше всех?

БОЦМАН ЖУРАВЛЕВ: Водяной. То есть, Петрухин Валерий, старший боцман. Ему что в воде, что на суше.

ВОПРОС: Как вы узлы вяжете?

БОЦМАН КУХАРЕНОК: Валя Осипова вяжет пять узлов за девять секунд. А на соревнованиях хуже: волнуется.

БОЦМАН ОРЕХОВ: Коля Полещук хорошо гребет. Километр — девять минут. Один раз на соревнованиях он только вышел на дистанцию, а тут град. Коля гребет, а его градом по спине! Ничего, справился.

ВОПРОС: У вас хорошие модели, — лучшие на конкурсе. Кто строители?

СТАРШИЙ БОЦМАН ПЕТРУХИН: Все строят. На этот год заложили двадцать три классных модели. Три модели будут управляться по радио.

ВОПРОС: Много было походов?

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ: Сейчас вспомним. Поход по Чудскому озеру... Рыбалка на Рассони... Походы в Усть-Нарву... Экскурсии — в Москву, в мавзолей Ленина и Сталина, в Ленинград, в Новороссийск, в Галли... Соревнования — у нас всегда первое место в области по нормам юного моряка...

ВОПРОС: А еще чему вы учитесь в клубе?

БОЦМАН ОРЕХОВ:

Сначала сдаем нормы. А

флотоводцев, учебные плакаты, расписание... Якорь есть от яхты.

БОЦМАН ОРЕХОВ: Это кают-компания. А еще мастерские в Кренгольме, Ивангороде, Кингисеппе. На Нарове две шлюпки, — шестерка с полным парусным вооружением и четверка.

ВОПРОС: Тюлени?

БОЦМАН ГЕРИНГ: Тюлени. На Балтике они встречаются.

ВОПРОС: За три года чему вы научились? Кто, например, у вас лучший по флажковому семафору?

потом — специальная программа. Кончим программу, — получим права судоводителей.

ВОПРОС: Самые настоящие права?

БОЦМАН ОРЕХОВ: А какие же? Права вождения судов до двухсот регистровых тонн.

ВОПРОС: Рыболовный гральщик сможете водить?

БОЦМАН ОРЕХОВ: Сможем.

ВОПРОС: Значит, любой рыболовецкий колхоз вас возьмет с удовольствием?

БОЦМАН ОРЕХОВ: Возьмет. Им судоводители нужны.

ВОПРОСОВ БОЛЬШЕ НЕТ. Редакция очень рада, что Нарвский клуб будет и дальше участвовать в конкурсе «Костра».

Кают-компания закрывается. Но мы скажем нашим гостям еще два слова:

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВА-
НИЯ!

Моряки, свободные от вахты, любят собраться на полубаке, — вместе отдохнуть. В нашем клубе тоже есть полубак.

Но отдыхать — не значит сидеть сложа руки. Можно сплясать «Яблочко». Можно перетягивать канат, петь под гармонь, рассказывать удивительные морские истории.

А можно решать хитроумные задачи.

ЗАДАЧА СЛАВЫ ВОРОШИЛОВА. ОН ПРИСЛАЛ ЕЕ ИЗ МИНСКА

Кто возьмется решить эту задачу, тот должен заполнить пустые клетки буквами. Но не какими попало, а так, чтобы по горизонтали получились названия четырех портовых городов мира.

А				А	А		
	А		А				
	А		А		А		А
	А						А

НЕ ПЕРЕВЕРНУТЬ ЛИ ВОЗ?

Догадайтесь, как это сделать, и прочтите название портового города.

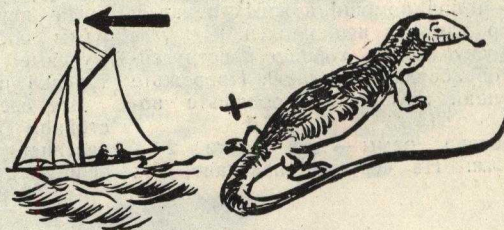
ЗАДАЧА-ШУТКА. НИЧЕГО ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ НЕ НАДО

Что это за порт? На каком он море?

АНАГРАММЫ

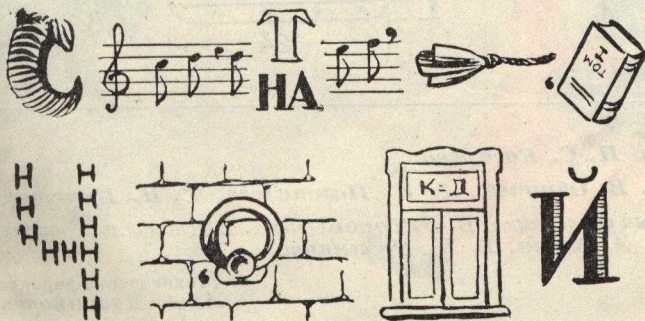
Так называют слова, состоящие из одних и тех же букв, расставленных по-разному. Например: весна — Севан, альбом — мольба. Бывает, что из букв нескольких слов составляется одно слово: пила + нота = антилопа.

Перед вами три пары предметов. Из букв названий каждой пары нужно составить одно слово. Все три слова, конечно, морские.

РЕБУС-ПРИПЕВ

Зашифрованы слова припева одной хорошей песни. Разгадывать ребус нужно вдвоем. Кто разгадает первый и ЗАПОЕТ ПЕСНЮ С САМОГО НАЧАЛА, тот победил. Еще лучше спеть эту песню всем отрядом.

НА ПОЛУБАКЕ ВЫСТУПАЕТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ШКОЛЬНИК
МИША БЕЗВЕРХНИЙ. МИША,
ПРОЧТИ СВОИ СТИХИ!

МОРЕ

Море похоже на тигра,
Который лежит под кустом
И кажется вовсе не тигром,
А тихим и смирным котом.

А ТЕПЕРЬ — ВСЕ НА СЛЕДУЮЩУЮ СТРАНИЦУ, В МОРСКУЮ МАСТЕРСКУЮ. БУДЕМ СТРОИТЬ
ЗИМНИЙ ВЕЛОСИПЕД.

ЗИМНИЙ ВЕЛОСИПЕД

Рассмотрите чертежи на этой странице и рисунок на 3-й странице обложки.

У зимнего велосипеда (однополосных саней) руль — сзади. Управляют рулем при помощи ножных педалей. Упор для рук неподвижен.

Доску полоза хорошо простругайте, обработайте шкуркой. Прорежьте ведущий желобок. Проолифьте полоз.

Основа рамы — две доски 20—25 мм. На чертеже показано, как

укрепить между ними педали. Сиденье обейте войлоком или куском старого одеяла, а сверху — клеенкой. Руль навесьте на металлических обувках и штыре. Можно приспособить сидение и руль от старого велосипеда.

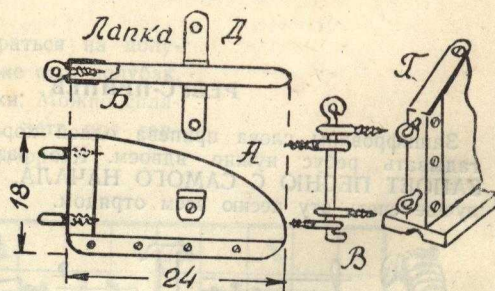
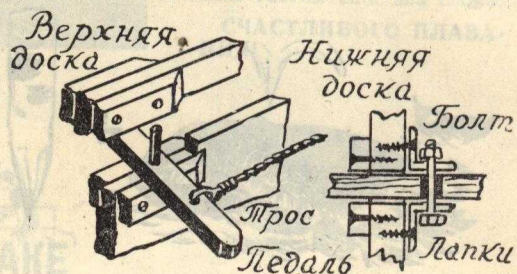
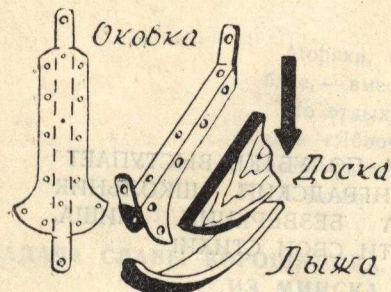
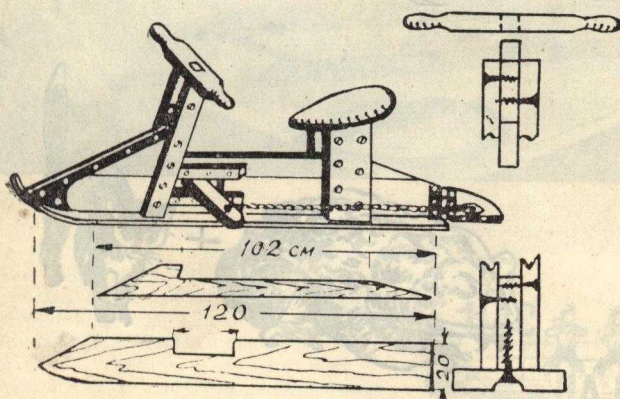
На передней и задней кромках рамы поставьте жестяные оковки. Рулевые тяги — из проволочного тросика или веревки.

Все соединения делайте на водостойком клею (нитросмоляном, АК, казеиновом) и шурупах. Окрасьте велосипед (кроме полоза) масляной

краской. Перед катанием натрите полоз воском, парафином или лыжной мазью.

Устройте соревнования. Участники один за другим преодолевают спуск, уставленный воротами и флажками. Учитывается время спуска, — чем меньше времени, тем лучше. Если кто-нибудь проедет мимо ворот, сбьет флажок или объедет его не с условленной стороны, — дается штрафное очко.

Эту самоделку особенно рекомендуем рулевым шлюпок. Рулевой, не спи зимой!

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черныкова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Двораконская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: наб. Кутузова, 6, тел. Ж-3-23-63, комм. Ж-3-72-12.

М-45812.
Тираж 220 000 экз.

Подписано к печати 25/XII 1959 г.

Формат 84×108 1/16.
Заказ № 853

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ПРОЧТИ

— Попался!

— Гранату! — кричал Дауге.

ЭТИ

Эта скульптура — дар леса.

Я один с ними справлюсь!

КНИГИ.

ИЗДАННЫЕ ДЕТГИЗОМ В 1959 ГОДУ

- Г. Остронемецкий и Н. Бромлей „Приключения мальчика с собакой“
- А. Стругацкий и Б. Стругацкий „Стража багровых туч“
- Инъ Вэнь-цзинь „Тян Сяо-си в Бухте кораблей, отплывающих завтра“
- А. Лаптев „Лесные диковинки“

Куда он всаживал стрелу,
Никто всадить не мог.